

Театръ

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣлениe въ Москвѣ—въ конторѣ И. Печиковской.
Рукописи, доставл. безъ обознач. говорара,
считаются бесплатными.
Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
на ЖУРНАЛЪ
“ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО”.

Съ доставк. и пересыпк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. № 6 продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. съ стр. пят.

Искусство

1900 г. IV годъ изданія. ЕЖЕНЕДЪЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 29 Октября.

СОДЕРЖАНИЕ: Къ мочаловскимъ днямъ.—Замѣтка.—О творчествѣ Мочалова, И. А. Куцеля.—Музыкальная замѣтка, Б. Соловьевъ.—Хроника театра и искусства.—Письмо въ редакцію.—Гастроли Зонненталя, Ник. Нешрева.—Письмо изъ Киева, И. Николаева.—«Все въ прошломъ», А. Ермакова.—Смерть актера Задонскаго. (Окончаніе). О. Ди-мова.—За границей.—Провинциальная лѣтопись.—Алфавитный списокъ разрѣш. пьесъ.—Почтовый ящики.—Объявленія.

№ 44.

Рисунки: «Рабыни веселья» (рис. Любимова), могила Мочалова, «ти-ти Корали» (рис. А. Любимова), «Каролина Нейберъ».

Портреты: П. С. Мочалова, г. Сапельникова, Н. А. Лухмановой, В. Н. Пшесецкой и г-жи Тереховой.

Приложеніе. «Преддверіе», сцены въ 1 актѣ П. М. Ярцева.

Ноты: «Мы молчали». Романсъ И. М. Кюорозовскою.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на 1900 годъ.

Полгода (съ 1 июля) 4 руб., годъ — 6 руб.

Новые подписчики получать всѣ вышедшіе №№.

С.-Петербургъ, 29 Октября.

Черезъ нѣсколько дней начнутся празднества въ честь П. С. Мочалова, столѣтіе со дня рожденія которого исполняется 3 ноября. За нынѣшній годъ это уже второй большой праздникъ русскаго театра. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ чествовали первого по времени русскаго актера—Ф. Г. Волкова. Теперь чествуютъ первого по таланту (такъ по крайней мѣрѣ принятъ думать). Невольно напрашивается сравненіе между ними. Первый былъ человѣкомъ усидчиваго труда, человѣкомъ терпѣнія и настойчивости. Нравственный обликъ его столь же чистъ, сколь плодотворна его дѣятельность. Это былъ геній созидающій; геній организаций; символъ, если можно выразиться, мертвой воды искусства. Второй олицетворяетъ пламя искусства, его порывъ, возвышенную красоту. Это—живая вода,—душа искусства. Волковъ всю свою жизнь, изо-дня въ день, работалъ, и плоды этой работы ощущаются и понынѣ: хилое деревцо, посаженное имъ на плохо-воспріимчивой ярославской почвѣ, разрослось въ большой лѣсъ. Если онъ кое-что и не додѣлалъ, то только потому, что историческая задача превышала силы одного человѣка. Мочаловъ—же просто металъ искры вдохновенія, которыхъ такъ же быстро гасли, какъ и загорались.

Мочаловъ принесъ на русскую сцену простоту, жизненность и естественность. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ оставилъ русской сценѣ и другое наслѣдіе—пресловутое «нутро», отъ котораго позаимствованъ былъ не геній, ибо геній нельзя заимствовать, но распущенность, дезорганизація строя, бессистемность, непорядокъ. Какъ всегда, заимствуются недостатки генія, общіе многимъ людямъ, а не достоинства, составляющія индивидуальное богатство исключительно одаренной натуры.

Плоды этой дезорганизаціи передѣ нами. Только въ послѣднее время русскій театръ понемногу приходитъ къ сознанію, что сила учрежденія въ его порядкѣ, согласіи, системѣ. Quod licet bovi, non licet bovi, по латинской поговоркѣ. И во всякомъ случаѣ, дѣло нуждается не въ вспышкахъ, а въ твердыхъ началахъ устроенія и порядка. «Завѣтъ Мочалова»—большое недоразумѣніе. Въ цѣломъ рядѣ статей мы надѣемся выяснить загадку творчества Мочалова; но «закѣтами» нельзя считать геніальную натуру. Завѣтъ можно считать нравственные принципы, приемы, преподанные школой, и т. п. Талантъ же не есть завѣтъ, ибо талантъ нельзя завѣтывать, ни передать какимъ либо путемъ по наслѣдству. Талантъ неотчудимъ и незаразителенъ. Передаются-же только вѣнчанія формы таланта, его манера, его отношение къ жизни и къ искусству.

Въ этомъ смыслѣ «закѣты Мочалова» да почтуть въ прошломъ. Почтимъ въ Мочаловѣ его геній—славное свидѣтельство могучей, какъ жизнь, неистребимой, силы вдохновенія, присущей русскому дарованію. Почтимъ въ Мочаловѣ безсознательную загадку творчества,—то неисповѣдимое, что поднимаетъ высоко надъ жизнью искусство, какъ бы

совершенно отдѣляя его отъ земли. Поклонимся солнцу. Это—погребность души. Но жить будемъ такъ, какъ предписываютъ земныя дѣла и условія. А здѣсь на первомъ планѣ: трудъ, порядокъ, дисциплина.

Обращаемъ вниманіе на печатаемое ниже письмо изъ Киева г. Николаева: оно ярко живописуетъ сказку про бѣлага бычка, которая разыгрывается въ киевской думѣ по вопросу о сдачѣ городского театра. Но, оказывается, и этимъ дѣло не кончилось. На другой день послѣ думскаго засѣданія, выяснилось, что «отказъ г. Бородая можетъ быть взятъ обратно», равно какъ можетъ быть «взято обратно» рѣшеніе думы. Въ Киевѣ все какъ-то «неокончательно». Сначала напутать, а потомъ сказать «pardon»; или сначала сказать «pardon», а потому напутать—зависитъ отъ манеры. На 26-ое октября назначено «экстренное засѣданіе думы для окончательнаго (sic) рѣшенія вопроса».

По поводу этихъ блужданій киевской думы, достойныхъ настоящихъ пошонцевъ, позволительно, перефразируя слова Гамлета: «Ты не умѣешь играть на флейтѣ, а думаешь играть на моей душѣ» — спросить у думы: «ты не умѣешь разрѣшить вопроса о гравесникѣ за храненіе верхняго платя, а думаешь вѣдѣть репертуаромъ и экзаменовать артистовъ?»

Огвѣтъ на этотъ вопросъ предоставляемъ читателямъ.

О ТВОРЧЕСТВѢ МОЧАЛОВА.

I.

Въ „Portraits“ Теофилия Гутье, въ статьѣ, посвященной нѣкогда знаменитой, актрисѣ Марсѣ, мы встрѣчаемъ слѣдующій отрывокъ:

„Быть можетъ, въ отдаленномъ будущемъ, когда критика, усовершенствовавшись вмѣстѣ съ общимъ техническимъ прогрессомъ, будетъ имѣть въ своемъ распоряженіи средства для стено-графирования всѣхъ оттѣнковъ игры актера,—исчезнетъ ужасное чувство обиды за сценическій гений, безилодно расточаемый для отсутствующихъ и для потомства. Если порою, когда слышишь громъ апплодисментовъ, гулъ опьянѣнной толпы, видишь вѣники, цвѣты, всю роскошь богатства и все богатство роскоши, брошенныя къ ногамъ актрисы за то, что она хорошо прочитала стихи поэта, въ сердце закрадывается глухое и недобroe чувство зависти—пусть она вспомнитъ, счастливый поэтъ, о той мертвѣй тишинѣ, которая послѣдуетъ за этимъ шумомъ“.

Таковъ печальный удѣль актера. Самому высокому изъ искусствъ, которому дано воплощать жизнь во всей ея полнотѣ и слѣдовательно, открывать тайну красоты,—соответствуетъ самыи краткій мигъ жизни. И когда потомъ стараешься, среди „мертвой тишины“, вызвать прекрасную тѣнь—какими усилиями сопровождается этотъ актъ материализаціи! Какъ болѣно чувствовать свою безпомощность! Блаженная минута не поддается повторенію. Досадуешь на дѣйствительность, разрушившую сонъ,—но нельзѧ, по желанію, опять заснуть, чтобы снова начать свой сонъ, съ прерваннаго мѣста.

Исторія театра—самая несовершенная изъ всѣхъ исторій, потому что съ актеромъ умираетъ и его творчество. Даже репродукцій и копій, въ томъ гру-

бомъ смыслъ, въ какомъ намъ ихъ даютъ литографіи и гравюры,—не остается отъ сценическаго творчества. Актеръ игралъ, и художественный гений умиралъ, вмѣстѣ съ изданнымъ звукомъ, нервнымъ движениемъ лица, правдивымъ, какъ жизнь, жестомъ, вмѣстѣ съ неуловимымъ „настроениемъ“, которое распространялось по зрительному залу, охватывало актера, сцену, самый воздухъ. Остается воспоминаніе. Но воспоминаніе не есть дѣйствительность. Это—уже другое, совершенно самостоятельное начало. Какъ ни жгучи бываютъ воспоминанія, но развѣ это то, чѣмъ была дѣйствительность? Въ воспоминаніяхъ душа вспоминающаго имѣть преобладающее значеніе. Дѣйствительность же отводить гораздо больше мѣста тому, что было, нежели тому, что воспринималось. Воспоминаніе—сплошь субъективно. Дѣйствительность—объективна, насколько, вообще, вѣнчаний міръ можно признать объективно-существующимъ.

Разумная критика постоится на исторической точкѣ зреінія. Въ письменахъ литературы, въ произведеніяхъ живописи, ваянія, архитектуры мы читаемъ исторію эпохъ, культуръ, общественныхъ теченій. Но какъ можно судить о томъ, что было и словно не было? о рѣдкихъ, которыхъ стихли? о смѣхѣ, который замолкъ? о потухшемъ огнѣ? о растаявшемъ снѣгѣ?

Историческая точка зреінія часто возстановляеть то, чemu не было никакой цѣны; обезцѣниваетъ то, что высоко ставилось современниками. Но если примѣнить такую историческую точку зреінія къ актеру,—что, вообще, отъ него останется? Актеръ непонятый—не есть актеръ. Актеръ, стоявшій въ круга современниковъ, не передастъ въ потомство своей славы, ибо ея у него не будетъ. Минута, не давшая блаженства, не есть блаженная минута.

Такъ затруднена характеристика сценическаго художника, когда насы отъ него отдѣляетъ „мертвѣй тишинѣ“ могилы. Попробуемъ, однако, сдѣлать, что можно.

Когда читаешь біографію Мочалова и отзывы обѣ немъ, то больше всего поражаешься крайностями оцѣнки его игры. Мочаловъ то былъ „неподражаемо хорошъ“, то „невыносимо дуренъ“; то онъ былъ „выше всякаго возможнаго представлія совершенства“ (Ап. Григорьевъ), то „Гамлетъ послѣ з представлія являлся нерѣдко обыкновенно посредственностью“ (Бѣлинскій). То „попаль—такъ выйдетъ чудо“, то „не попаль—такъ выйдетъ дрянь“ (Шаховской), то „Тальма въ слуги тебѣ не годится“ (отзывъ о комедіи „Пустомолы“), то Мочаловъ „совершенно не понималъ роли“ и „искалъ не воспроизведенія извѣстнаго поэтическаго образа, а только наиболѣе удобнаго случая показаться предъ публикой во всю ширь своей духовной безшабалности“ (Фетъ). То, по словамъ Бѣлинскаго, „у Мочалова исчезала во всемъ пошлость, слашавость, неестественность“, то по словамъ того же Бѣлинскаго, Мочаловъ „впадалъ не въ посредственность, а въ пошлость и тривіальность“. Такихъ крайнихъ противорѣчій можно набрать сколько угодно. Это—общее мѣсто, однимъ словомъ: „чудо что такое“ или „дрянь“, и никакой середины. „Мочаловскія минуты“, вдохновившія Бѣлинскаго написать рядъ блестящихъ страницъ, едва ли имѣющихъ себѣ равныхъ, по возбужденному чувству прекраснаго, въ театральной критикѣ; и рядомъ съ этими минутами, томящее ничтожество, хлопанье по бедрамъ, невыразительное чтеніе, непониманіе роли.

Когда я читалъ всѣ эти отзывы, одна мысль неотступно преслѣдовала меня. Почему немыслимъ ни-

какой другой художникъ, кромъ актера, относитель-но которого сохранились бы подобные отзывы? От-чего нельзѧ себѣ представить писателя, про кото-рого говорили бы: „вотъ это чудо“, а „это дрянь“; это „выше всякой совершенства“, а это „ниже вся-кой возможности“. Не можетъ быть также по-добного живописца, ваятеля и пр. Актеры же такие могутъ быть. Случайно, въ статьѣ А. И. Южина о Мочаловѣ, я встрѣтилъ по-пытку къ разрѣшению этого вопроса. А. И. Южинъ довольно резонно замѣчаетъ, что всякий иной художникъ, кро-мѣ актера, можетъ написаніе не показать, прервать, передѣлать, актеръ же, заигравъ, долженъ играть до конца. Не касаясь здѣсь вопроса о томъ, что такая особенность сценическаго искусства должна была бы заставить актера болѣе, чѣмъ всякаго иного художника, относиться внимательно къ своей задачѣ и „семь разъ от-мѣрить“, прежде, чѣмъ отрѣзать, и позволю себѣ, однако, замѣтить, что объясненіе А. И. Южина резонно только въ из-вѣстныхъ частяхъ. Писатель, живописецъ, ваятель могутъ не-удачно задумать произведеніе; могутъ выполнить задачу безъ всякаго воодушевленія, безъ трепета, искренности, настрое-нія. Но быть глупыми, поши-лыми, трусливыми—они не могутъ. Какъ нельзѧ по заказу блеснуть талантомъ, такъ точно, по заказу, невозможно блеснуть пошлостью и ничто-жествомъ. И пошлость, и ничто-жество—это печальные дары природы. Я понимаю Сафира, который гдѣ-то выра-зился, что можно научиться уму, что гений—это трудъ, но что нельзѧ научиться глупости. Слѣдовательно, и въ томъ только дѣло, что актеръ, начавъ плохо играть, не можетъ пристановиться, но въ томъ, что пошлость и трусли-вальность свили себѣ дѣйстви-тельно гнѣздо въ самой на-турѣ актера. Плохо играть—это одно; быть „трезвымъ Реп-етиловымъ“ въ роли Чапкаго—это другое. Тѣ край-ности, которая въ игрѣ Мочалова отмѣчаютъ даже его восторженный поклонникъ Бѣлинский, не могутъ быть объяснены случайностями настроенія. Еще разъ напомню выраженіе Бѣлинского: Мочаловъ „впадаетъ не въ посредственность, а въ пошлость и трусливальность“. Очевидно, „пошлость“ и „трусливальность“, или „дрянь“ по Шаховскому, или „безшабашность“ по Фе-ту—были дѣйствительно прирожденными свойствами сценической натуры Мочалова, и смотря по тому, что возобладало,—мы имѣли предъ собою геніальность, превосходившую всякую возможную степень совер-шенства, или пошлость и ничто-жество.

Тотъ поэтический образъ, который далъ Пушкинъ въ своемъ „Поэту“ и который, въ дѣйствительности, никогда не отражается въ полной мѣрѣ въ произ-

веденіяхъ поэзіи,— вполнѣ примѣнимъ только къ сце-ническому искусству, и Мочаловъ—живое тому под-твержденіе. Мочаловъ одинъ изъ двухъ: „межъ дѣ-тейническихъ міра, быть можетъ, всѣхъ ничто-жныхъ онъ“ или же

Когда божественный глаголь
До слуха чуткаго коснется,
Душа актера встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ...

П. С. Мочаловъ.

(Къ столѣтію рождения 3-го ноября 1900 г.).

Я не могу принять въ объясненіе „мочаловскихъ минутъ“ и вообще, крайностей мочаловской игры, ни указаній современниковъ на необразованность, отсутствіе дисциплины, ни позднѣйшихъ выводовъ объ отсутствіи школы, воспитанія, сценическаго стиля. Правда, Шевыревъ выражается про Мочалова, что это „развалины врожденного таланта, испорченного пре-небреженiemъ къ искусству“; правда, Аксаковъ утверж-даетъ, что онъ „не любилъ безкорыстно искусства, а любилъ славу; онъ не вѣрилъ въ трудъ, въ науку“; правда, К. А. Полевой пишетъ, что „Мочаловъ былъ актеръ съ дарованіемъ, съ сильнымъ чувствомъ, но человѣкъ грубый, необразованный“. Однако если бы все дѣло—именно все, а не частное—было въ необразованности, пренебреженіи къ труду, оторванности отъ науки, то слѣдовало бы, логически провѣряя силу

образованія, труда и науки, признать, что Мочаловъ не могъ быть ни „чудомъ“, ни „выше всяаго возможнаго представлениі совершенства“. Прочитайте разборъ игры Мочалова Бѣлинскимъ. Вѣдь, судя по подробностямъ и по экстазу Бѣлинскаго, это дѣйствительно было величайшее откровеніе искусства и правды. Какъ же это такъ? Если наука, образованіе, искусство имѣютъ такое рѣшающее значеніе, что могутъ устранить тривіальность и ничтожество; если это такое всеобъемлющее начало для проявленія генія, то почему же отсутствіе всего этого не помѣшало Мочалову быть Мочаловымъ, сливать дѣйствительность съ мечтою, потрясать, ошеломлять публику? Если то нѣчто, что называется геніемъ, состоить, между прочимъ, изъ науки и искусства т. е. мастерства, то, стало быть, Мочаловъ не былъ геніемъ, ибо за нимъ не было ни науки, ни искусства. Но онъ былъ геніемъ. Во всякомъ случаѣ, онъ умѣлъ находить геніальные отзвуки въ такихъ чудесныхъ, тонко чувствующихъ и пламенныхъ натурахъ, какъ Бѣлинскій и Аполлонъ Григорьевъ.

Въ чёмъ же дѣло? Да въ томъ, что ни наука, ни мастерство не могутъ дать правды, а только подобіе правды. Какъ бы ни уснащали Мочалова наукой и мастерствомъ, онъ былъ бы въ „немочаловскія минуты“ только отполированымъ „ничтожествомъ“, но не Мочаловымъ. Это было бы, разумѣется, лучше; онъ не сердилъ бы тогда своихъ поклонниковъ; онъ возросъ бы до болѣе широкихъ и общихъ сценическихъ образовъ; на немъ сошлись бы всѣ. Іѣлое поколѣніе актеровъ не возводило бы безшабашности въ культь, не спивалось бы, не унижало бы поэзіи, знанія, искусства,—но все-таки пропасть между „мочаловскими минутами“ и „мочаловскимъ безвременемъ“ осталась бы незаполненной. Великая бездна отдѣляетъ эти минуты, одну отъ другой,—и нигдѣ, ни въ какомъ искусствѣ, эта бездна не бываетъ такой глубокой, такой страшной, такой неизповѣдимой, какъ у истинныхъ талантовъ сцены.

Во времена Бѣлинскаго игралъ, пользовался славой, срывалъ восторги современниковъ знаменитый Карагыгинъ. Вотъ актеръ, стоящий по ту сторону „мочаловскихъ минутъ“. Это не значитъ, что Карагыгинъ не былъ талантливый человѣкъ. Поживъ въ Петербургѣ, освоившись съ французскимъ театромъ, уяснивъ себѣ болѣе отчетливо проблемы эстетики, Бѣлинскій смягчилъ значительно свои отзывы о Карагыгинѣ. Онъ и въ послѣднемъ находилъ „совершенство“ и аплодировалъ ему вмѣстѣ съ остальной публикою. Но это не мѣшало Бѣлинскому чувствовать то, что неизгладимою чертою отдѣляло Карагыгина отъ Мочалова. Все-таки Бѣлинскій продолжалъ понимать, что даже, будучи совершенной, карагыгинская правда, карагыгинская истина, карагыгинская красота есть иная, отличная отъ мочаловской. Мочаловъ давалъ забвеніе,—забвеніе горячее, хмѣльное, сумасшедшее; Карагыгинъ, даже достигая совершенства, давалъ забвеніе—ровное, радостное, пріятно-законченное. И вотъ, я повторяю,—какъ бы Мочаловъ ни былъ образованъ, уменъ, выдрессированъ, какъ бы всѣми помыслами ни былъ привованъ къ созданію пластически совершенныхъ образовъ,—онъ никогда бы не могъ быть Карагыгінъ. Ибо это дѣя натуры, два вида, дѣя правды, два пути красоты. Надежды на прилежаніе, искусство и науку, увы, должно считать сильно преувеличенними,—по крайней мѣрѣ, въ то время, какъ Мочаловъ былъ уже актеромъ. Шаховской, который хорошо зналъ, по званію директора, Мочалова, не даромъ говорилъ про него: „Бѣда, если Павелъ Степановичъ, начнетъ разсуждать. Онъ только тогда и хороши, когда не разсуждаетъ. Это—геній по инстинкту“.

Григорьевъ употребляетъ тоже выраженье „инстинктивный“. „Великий инстинктивный художникъ создавалъ портреты въ своей манерѣ, въ своемъ колорите, и приходя въ жизнь представляемаго лица, игралъ все-таки собственную душу“.

Такимъ образомъ, Мочаловъ совсѣмъ не то, въ чемъ силятся насть увѣритъ, т. е. талантъ, можетъ быть, гений,—которому мѣшало отсутствіе дисциплины, объективности, мастерства. Эта формула неѣрная. Это все равно, что сказать: вотъ прекрасный кусокъ бархата, которому мѣшаетъ то, что онъ не звонкъ, какъ золото, и не вкусенъ, какъ шоколадъ. Мочаловъ былъ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ. „Мочаловъ не работалъ, пишетъ про него Герценъ,—онъ зналъ, что его иногда посещаетъ какой-то духъ, превращающій его въ Гамлета, Лира или Карла Мора, и поджидалъ его.. а духъ не приходилъ, и оставался актеръ, дурно знающій роль“. Герценъ говоритъ, это съ упрекомъ. И дѣйствительно, хорошаго тутъ мало, и для театра, какъ для художественного учрежденія, такая теорія „поджиданія духа“ грозить гибелью, что мы отчасти и видѣли на нашихъ провинціальныхъ сценахъ. Но въ данную минуту насть интересуетъ совсѣмъ не то, что нужно для блага и процвѣтанія театра, но загадка творчества, которую представлялъ Мочаловъ. И съ этой точки зрѣнія я говорю, что какъ бы Мочаловъ ни училъ свои роли, какъ бы ни старался, ни хлопоталъ, онъ бы не былъ Мочаловымъ въ тѣ минуты, когда „духъ“ его обманывалъ и не дарилъ своимъ посѣщеніемъ. Сказать, что Мочаловъ лучше игралъ бы, тщательнѣе справлялся съ текстомъ, что зрители не приходили бы въ негодованіе отъ бормотанія подъ носъ и хлопанья по бедрамъ—это одно. Но сказать, что отъ образованія и искусства мочаловскій „духъ“ измѣнилъ бы свой характеръ, или чаще являлся бы, или стала бы еще болѣе таинственно-прекраснымъ, могучимъ, всесокрушающимъ духомъ—значить, говорить совсѣмъ другое. Великое въ Мочаловѣ было его очарование, его безуміе, заражавшее толпу, оргія, которую праздновалъ невѣдомый духъ наитія, обнажавшій вдругъ, неожиданно, предъ изумленіемъ и замершій отъ трепета публикой, что-то нездѣшнее, какую-то красоту откровенія, какую-то правду сна и како-то сонъ дѣйствительности.

Благодаря Ницше, мы знаемъ теперь, какъ окрестить духа, навѣщавшаго Мочалова. Это духъ Діонисія, духъ оргіастической, ибо Мочаловъ былъ типичнымъ геніемъ-оргіастомъ.

А. Кугель.

(Продолженіе слѣдуетъ).

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЗАМѢТКИ.

Второй и послѣдній общедоступный концертъ гг. Пюньо и Ауэръ далеко не произвелъ такого же пріятнаго впечатлѣнія, какъ первый. Пюньо былъ совсѣмъ не въ ударѣ. Подобная незадача, отсутствіе настроения и подъема, результатъ иногда самыхъ незначущихъ внѣшнихъ причинъ, извѣстны каждому артисту. И отмѣчая въ настоящей замѣткѣ неудачный въ художественномъ смыслѣ выходъ г. Пюньо,—я, самъ собой разумѣется, остаюсь при моемъ прежнемъ убѣждѣніи, что нашъ французскій гость принадлежитъ къ числу выдающихся піанистовъ нашего времени. И на старуху бываетъ проруха.

Концертъ начался съ d'moll'ной сонаты для фортепіано г. Пюньо. Соната эта, за исключеніемъ первой части, представляетъ мало интереснаго. Allegro (1-й части) написано съ настроениемъ и обработано несомнѣнно талантливо. Въ фактурѣ видна рука знающаго человѣка, который, быть можетъ, чрезвычайно увлекся технической стороной дѣла и довольствовался блѣдными и безцѣльными темами, положенными въ основу сонаты. Благодаря этому, соната производитъ впечатлѣніе длинной гармонической задачи, на разрешеніе которой положено много труда, но не вдохновенія. Далѣе, соната эта, хотя и состоитъ изъ необходимаго числа частей, но между частями не чувствуется никакой связи. Въ сонатахъ Ветхо-

вена тоже нѣтъ видимой связи, но есть связь духовная, соединившая части сонаты неразрывно. Въ этомъ легко убѣдиться, попробовавъ взять части разныхъ сонатъ и сыграть ихъ въ соотвѣтственномъ порядке. Пюньо сдѣлалъ большую ошибку, поставивъ на программу эту маловыдержанную сонату. Въ прошлые прѣзы г. Пюньо игралъ свои мелкія про-

Г. Сапельниковъ.

(Получившій первую премію на конкурсѣ скрипачей).

изведенія, въ которыхъ показалъ себя изящнымъ композиторомъ въ легкомъ салонномъ жанрѣ. Произведенія эти нравились и имѣли хороший успѣхъ, чего они и заслуживали. Но соната, cette grande machine lâ—требуетъ глубокаго творческаго дара, чтобы оказаться на высотѣ своего классического реномѣ. Увы! ни въ чемъ такъ часто не ошибаются художники, какъ въ своихъ собственныхъ силахъ.

Соната, которая, кстати сказать, сне въ пальцахъ у автора, сильно расхолодила публику, переполненную залъ консерватории. Авторъ имѣлъ succѣs d'estime—не болѣе этого.

Слѣдующимъ фортепіаннымъ номеромъ г. Пюньо поставилъ «Faschingsschwank aus Wien» — Шумана. Кажется, не было піаниста изъ прѣѣзжавшихъ въ Петербургъ, который бы не игралъ этой вещи. Пюньо сыгралъ его плохо. Особенно неудачно были переданы allegro, интермеццо и финалъ. Allegro Пюньо сыгралъ грубо, частенько попадая не на тѣ клавиши, на которые слѣдовало бы, что случалось и въ интермеццо и въ финалѣ, который при этомъ былъ взятъ въ невозможно быстромъ темпѣ. Вообще артистъ совершенно не владѣлъ собой. Я положительно не узнавалъ вдумчиваго, спокойно-серѣзного Пюньо въ этой растрепанной хаотической игрѣ, отзывающей чѣмъ-то диллетантскимъ.

Мало меня удовлетворили Polonaise (оп. 22), его Impromptu la vénitienne Шопена. Это было что-то совсѣмъ не то. 13-ая рапсодія Листа была сыграна совсѣмъ плохо. Пюньо игралъ еще много на бисъ, но отъ бисовъ я ушелъ.

Г. Ауэръ, наоборотъ, былъ въ ударѣ какъ никогда и игралъ съ удивительной легкостью и неподражаемой выразительностью. Началь г. Ауэръ съ Rondo capriccioso — Сенъ-Санса и сыгралъ его чудесно. Въ слѣдующемъ номерѣ слѣдовала рядъ небольшихъ вещей виртуознаго характера. Неподражаемая по своей прелести sérénade mélancolique — Чайковскаго довольно рѣдко появляется на программахъ. Почему? неизвѣстно. Быть можетъ, потому, что это произведеніе, надъ которымъ надо очень много работать! Во всякомъ случаѣ, можно поблагодарить г. Ауэра за исполненіе, вполнѣ совершенное, этой дивной серенады. Повидимому, г. Ауэръ занятъ въ настоящее время вдохновеніями Чайковскаго. Всѣдѣ за серенадой артистъ сыгралъ вальсъ изъ серенады для струннаго оркестра, обработанный г. Ауэртомъ для скрипки соло.

Получилась очень элегантная, красавая и, между прочимъ, страшно-трудная пѣса, которая, можно сказать, съ увѣренностью, вызоветъ большой интересъ между скрипачами. Затѣмъ г. Ауэръ исполнилъ новое произведеніе г. Направника — «Русская мелодія». Что, въ этомъ произведеніи есть мелодія, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Мелодія есть, и довольно красавая. Первый періодъ такъ прямо чудесенъ. Далѣе, въ этой мелодіи въ началѣ чувствуется русскій починъ. Льется она плавно, гармонизация простая и легкая. Но вдругъ все дѣло портится и вся «русская мелодія» сводится къ шаблонному романсу. Я, впрочемъ, не хочу этимъ сказать, что произведеніе г. Направника неудачно — нѣтъ, это — хорошеный скри-

пичный номеръ — я только отрицаю за нимъ право называться «русской мелодіей». Нельзя же въ самомъ дѣлѣ относиться совершенно безразлично къ характеру *русской мелодіи* и вти-скивать ее въ рамки западнаго романса.

La Fileuse Поппера очень изящная и очень извѣстная вещь. Быть можетъ, поэтому г. Ауэръ пришла въ голову мысль обновить нѣсколько старушку-прялку. Ремонтъ получился очень интересный. Но зато исполненіе настолько трудно, что у самого обновителя на высочайшихъ позиціяхъ ощущалась нѣ-которая неточность интонаціи. Въ общемъ это очень эффектная вещица.

Аккомпанировалъ г. Ауэръ съ большимъ искусствомъ А. М. Микашевскій.

Наконецъ нѣсколько словъ о «Крейцеровой сонатѣ» Бетховена. Это единственный номеръ, въ которомъ я еще могъ узнать г. Пюньо. Тотъ, кому удалось послушать эту сонату въ хорошемъ исполненіи, вѣроюно согласится со мной, что Левъ Толстой никогда не слыхалъ этой сонаты въ болѣе или менѣе хорошемъ исполненіи, въ противномъ случаѣ ему никогда не пришло бы въ голову сдѣлать изъ нея орудіе паденія человѣка. Страннымъ кажется это отношеніе Толстого къ Бетховену, и могъ ли послѣ этого Толстой указывать на сущность искусства.

Первое симфоническое собраніе не могло похвастать интересной программой. За исключеніемъ дивной пятой симфоніи Чайковскаго, все остальное, т. е. цѣлыхъ четыре номера второго отдѣленія, было весьма посредственной цѣнности.

5-ая симфонія была закончена Чайковскимъ въ 1888 году и въ томъ же году публика ее впервые услышала... совершенно не поняла. Критика точно убоялась сказать публикѣ, что непонятное ея произведеніе есть, тѣмъ не менѣе, одно изъ чудныхъ даровъ Чайковскаго национальному искусству, и ограничилась въ большинствѣ случаевъ общими мѣстами и жалобой на сложность фактуры, длинноты и т. п. ничего не говорящія ни автору, ни публикѣ фразы. За протекшія двѣнадцать лѣтъ 5-ую симфонію исполняли сравнительно очень рѣдко. Въ симфоническихъ собраніяхъ Петербурга, если не ошибаюсь, ее исполняли всего-на-всего три раза. Припоминая ея первый дебютъ въ Петербургѣ и сравнивая его успѣхъ съ успѣхомъ нынѣшняго года, я могу засвидѣтельствовать пріятный фактъ, что публика начинаетъ примѣщать въ ней красоты и рѣшается, такъ сказать, исповѣдывать ихъ, на что она двѣнадцать лѣтъ назадъ не была податлива. Тѣмъ не менѣе тѣнѣ упорства еще рѣбѣтъ надѣя залой. Каѣкъ это странно! Слушая музыку вдохновеннаго Чайковскаго, слушаешь вѣщія пѣсни русской души.

Это что то родное, великое, необъятное.. Страшная пѣсня

Н. А. Лухманова.

(Авторъ ком. «Сибирскій Риголетто»).

и волшебная! Страшная потому, что тайна ея намъ недоступна. Волшебная—потому, что сила ея влечетъ за собой всѣхъ призванныхъ къ искусству Россіи. Отъ этихъ пѣсень Чайковскаго не уйти никому, кто разъ услыхалъ ихъ и сберегъ въ своей душѣ.

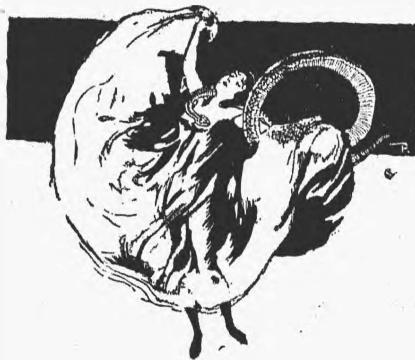
Симфонія подъ управлениемъ г. Направника слушалась съ

интересомъ. Оркестръ чувствовалъ передъ собой большого мастера и былъ очень внимателенъ. Быть можетъ, специалистъ симфонической музыки нашелъ бы возможнымъ дать болѣе тонкіе и разнообразные оттѣнки, нежели то сдѣлалъ г. Направникъ, какъ, наприм., въ *Andante contabile* и въ средней части вальса, но и за слышанное безконечная благодарность. Каѣкъ никакъ, а публика усыхала 5-ую симфонію, да еще въ страйномъ и умѣломъ исполненіи.

Изъ двухъ другихъ оркестровыхъ номеровъ можно лишь остановиться на «Балладѣ» Липунова (соч. 2), исполненной въ первой разъ, что же касается до «Jubel ouverture»—Вебера, то для публики симфоническихъ собраний она представляеть не больше интереса, чѣмъ попурри изъ «Дочери тамбуръ ма-жора». «Баллада» г. Липунова незаурядная вещь, написанная интересно, сочно, съ приемами широкаго письма, но, къ со-жалѣнию, понять и оцѣнить ея достоинства, не касающіяся техники, при всемъ желаніи невозможно. Что можетъ сказать слушателю название «Баллада?» Ровно ничего. Развѣказъ? О чѣмъ?—Неизвѣстно. Излагается слушателю музыкальная тема, хорошо гармонизованная, умѣло развитая, сплетающаяся съ другой и т. д. и т. д. Аккордъ и конецъ. Все это очень хорошо. Но почему это называется балладой? Вѣроятно, вслѣд-ствіе невѣдѣнія публики, о чѣмъ разсказываетъ баллада г. Ля-пунова, она приняла ее довольно холодно.

Солистомъ былъ г. Зилотти, который, повидимому, находить совершенно излишнимъ обновлять свой репертуаръ. И фантазію Шуберта-Листа, и «Пляску смерти»—Листа онъ уже въ симфоническомъ собраний игралъ и, кстати сказать, игралъ гораздо лучше. Почему же г. Зилотти понадобилось повтореніе программы? Г. Зилотти игралъ вяло, публика слушала вяло. Успѣхъ піаниста небольшой. Г. Направникъ аккомпанировалъ г. Зилотти черезъ чуръ громко.

Б. М. Соловьевъ.

ХРОНИКА

Театра и Искусства.

По слухамъ, въ Москвѣ учреждается всероссійское театральное общество съ основнымъ капиталомъ въ 1 миллионъ рублей. Пайщиками его явится московская частная опера, а также г. Соловьевъ, внесшій 100 тыс. руб.

* * *

Главное управление неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питетъ, исходя изъ того положенія, что устройство народныхъ спектаклей вообще можетъ быть оправдано лишь въ особо крупныхъ центрахъ съ сильно развитою промышленностью и фабрично-ремесленной жизнью и что въ чертѣ еврейской осѣдлости городское населеніе состоить преимущественно изъ евреевъ, не злоупотребляющихъ крѣпкими напитками, освѣдомило комитеты попечительства о народной трезвости, что они должны воздерживаться вообще отъ сколько-нибудь существенныхъ затратъ и развивать свою дѣятельность болѣе въ селеніяхъ, а не въ городахъ и мѣстечкахъ, главный контингентъ населенія коихъ составляютъ евреи.

* * *

Коммісія по организаціи 2 съѣзда сценическихъ дѣтелей имѣла уже нѣсколько засѣданій. Секретаремъ съѣзда избранъ Н. Ф. Арбенинъ. Выборы товарища предсѣдателя до сихъ поръ не дали еще удовлетворительныхъ результатовъ, такъ какъ голоса разбились. Рѣшено составить подробнѣю программу занятій, которую и разослать на днихъ вмѣстѣ съ циркуляромъ. Постановлено, между прочимъ, труды съѣзда издать только въ томъ случаѣ, если найдется не менѣе 500 подписчиковъ, которые внесутъ заранѣе «затратокъ», въ размѣрѣ 2 р. Значки членовъ съѣзда будуть выдаваться, по примѣру прошлого съѣзда, бесплатно. Съѣздъ состоится на 4 недѣли, а въ случаѣ большого ко-

личества докладовъ, будетъ продолженъ также и на пятую недѣлю поста.

* * *

Въ началѣ ноября въ Александрийскомъ театрѣ состоится бенефисъ М. А. Александровой за пятидесятилѣтнюю службу. Артистка ставить новую пьесу Шпажинскаго «Предѣль», одно дѣйствіе изъ «Воеводы» Островскаго и «Именины въ углахъ» Лейкина.

* * *

На 30-е октября назначена закладка нового зданія убѣжища для престарѣлыхъ артистовъ, устраиваемаго русскимъ театральнымъ обществомъ. Два этажа нового зданія уже готовы, а ко дню закладки убѣжище будетъ покрыто и крышей. Внутреннюю отдѣлку предполагаютъ начать съ апрѣля будущаго года. Убѣжище разсчитано на 40 человѣкъ. Каждому призрѣваемому предназначена отдѣльная комната, за исключениемъ 5 комнатъ, где будутъ помѣщаться по 2 человѣка. При убѣжищѣ устраивается отдѣльная церковь, разсчитанная на 600—800 чел. Въ церкви будутъ устроены отдѣльные хоры, предназначенные специально для приврѣваемыхъ артистовъ. Помимо того, наибольѣе слабыхъ будутъ привозить на кроватяхъ въ сосѣднюю комнату, соединенную съ церковью особымъ аркою. Въ убѣжищѣ будутъ устроены аптека, приемный покой и всѣ приспособленія для поданія первой помощи. Въ особой залѣ помѣщаются читальня и библиотека. Всѣмъ призрѣваемымъ, сверхъ полнаго содержанія (отдѣльная комната, обѣдъ изъ 2 блюдъ, утромъ и вечеромъ—кофе и ужинъ), будутъ выдаваться еще 3 рубля въ мѣсяцъ на мелкие расходы. Зданіе, въ которомъ теперь временно помѣщается убѣжище, предназначается для прюта сиротъ-дѣтей артистовъ. Убѣжище фактически существуетъ съ 1895 г. Первый составъ призрѣваемыхъ въ немъ былъ слѣдующій: Ивановъ-Козельскій, Л. И. Щеголова, Докучаевъ, П. И. Боброва. Затѣмъ въ разное время находили въ немъ прють провинціальные артисты: М. В. Измайлова, М. А. Чарская, М. В. Рославская-Ромашкова, Е. А. и А. А. Александровы, Кочевская, Арсеньевъ-Жуковъ и мн. др. Новое зданіе убѣжища помѣщается на Петровскомъ островѣ, Петровскомъ просп., д. 13.

* * *

Съ 21-го ноября въ театрѣ «Акваріумъ» начнутся гастроли вѣнскій опереточной труппы подъ дирекціей г. Шульца, составъ которой слѣдующій: г-жи Бетти Стоянъ, Мери Гальтонъ, Фишеръ-Гюнтеръ, Луиза Лингъ, Натцлеръ, Сендерсь и др.; гг. Юліусъ Шпильманъ, Жанъ Феликсъ, Эд. Штайнбергеръ, Пагинъ, Штрассеръ, Натцлеръ, Фишеръ, Биндеръ и др. Хоръ состоитъ изъ 50 человѣкъ, оркестръ изъ 30 музыкантовъ. Главный капельмейстеръ г. Ферронъ, а режиссеръ г. Биндеръ. Въ теченіе сезона будутъ поставлены оперетка «Сантай», автора «Гейши», «Дива», «Греческая рабыня», «Прекрасный Риго» и др.

* * *

Еще одинъ режиссерскій крахъ: А. П. Ленскій отказался отъ исполненія режиссерскихъ обязанностей вслѣдствіе недоразумѣній съ театральнымъ начальствомъ. По послѣднимъ, однако, извѣстіямъ все уладилось. Все хорошо, что хорошо кончается. Но не хорошо кончить карьеру режиссеромъ.

* * *

Первое представленіе «Доктора Штокмана» въ Художественно-общедоступномъ театрѣ прошло съ громаднымъ успѣхомъ. По отзывамъ «Новостей Дня», постановка и исполненіе пьесы оказались выше всего того, что было до сихъ поръ въ Художественномъ театре. Весь вечеръ былъ рядомъ оваций по адресу г. Станиславскаго и всей труппы. Отъ постановки вѣтъ де необыкновеннымъ умомъ, жизненностью и живостью. Замѣчательно удалась сцена народного собрания. Критики договариваются до того, что считаютъ спектакль историческимъ. Г. Станиславскому поднесены лавровый вѣнокъ.

* * *

Артистка Коршевскаго театра г-жа Шаровъева вышла изъ состава труппы.

* * *

О. И. Шаляпинъ, совершенно оправившійся отъ болѣзни, получилъ предложеніе отъ извѣстнаго импресарио г. Грау пріѣхать на гастроли въ Лондонъ на май и июнь будущаго года.

* * *

24-го октября въ театрѣ Корша состоялся первый выходъ О. П. Горева въ «Старомъ баринѣ». Сборъ полный. Газеты отмѣчаютъ успѣхъ артиста, чemu мы очень рады. Артисту были поднесены вѣнки отъ труппы и дирекціи. Артисты Малаго театра, черезъ одного изъ своихъ членовъ привѣтствовали О. П. съ возвращеніемъ въ Москву; привѣтствіе это было передано за кулисами.

Слѣдующіе выходы Горева предполагаются въ «Якобитахъ» и «Старой сказѣ».

* * *

21-го октября въ московскомъ частномъ театрѣ состоялось первое представление новой оперы Н. А. Римскаго-Корсакова «Царь-Салтанъ», либретто котораго составлено В. И. Бельскимъ.

Обстановка оперы блестящая. Особенное впечатлѣніе произвела перемѣна декорацій при открытомъ занавѣсѣ во 2-мъ дѣйствіи. Появленіе города Леденца, эффекти перехода ночи въ полный день были выполнены прекрасно. Въ прологѣ извѣстный разговоръ трехъ сестеръ, объщеніе младшей «для батюшки царя родить богатыря», изображеніе Салтана въ жены. Первое дѣйствіе — во дворѣ, въ Тмутараканіи. Няни баюютъ младенца-царевича. Сестры ложно доносятъ на Милитрису, что вмѣсто богатыря она родила какую-то «звѣрушку». Разгнѣванный Салтанъ отдастъ приказъ, по которому Милитрису вмѣстѣ съ царевичемъ засаливаютъ въ бочку и пускаютъ въ море. Три затѣмъ слѣдующихъ акта — на островѣ Буянѣ. Здѣсь идутъ извѣстныя превращенія царевича Гвидона въ имеля, его сцены съ лебедью, три чуда, наконецъ, женитьба Гвидона на царевнѣ, свиданіе Салтана съ Милитрисой и общий пиръ. По самому своему складу либретто отвѣчаетъ характеру музыкальной индивидуальности композитора. Фантастический элементъ даетъ возможность ему проявить свой талантъ превосходного инструментатора.

Способность къ музыкальной характеристики у Римскаго-Корсакова въ этой оперѣ больше всего сказалаась въ изображеніи центральной фигуры оперы, самого царя Салтана, простодушнѣйшаго изъ царей, какого только создавала человѣческая фантазія.

Постановка «Сказки о царѣ Салтанѣ» составила предметъ особенного труда со стороны дирекціи оперы. Новые декораціи написаны г. Врубелемъ, режиссеромъ В. П. Шкаферъ и г. Кравецкій; общая постановка руководила М. В. Лентовскій. Партии распределены между лучшими силами труппы и даже маленькия роли переданы первымъ пѣвцамъ ради ансамбля. Опера и авторъ имѣли грандиозный успѣхъ. Бурные аплодисменты не умолкали во время всѣхъ антрактовъ. Апогея оваций достигли послѣ 2-го дѣйствія. Оркестръ игралъ тушъ, композитору поднесли отъ благодарной дирекціи частнаго театра золотой вѣнокъ въ видѣ буквъ С на фонѣ лиры изъ цвѣтковъ съ надписью: «Славѣ русской музыки, счастью московской частной оперы»; затѣмъ серебряный вѣнокъ отъ «приятельныхъ за довѣріе артистовъ частной оперы» и большой лавровый вѣнокъ отъ «кружка любителей русской музыки». Изъ литерныхъ ложъ на сцену бросали вѣнки и цвѣты. Овации продолжались въ течение всего вечера и послѣ спектакля.

Роли распределены такъ: Царица — г.-жа Цвѣткова, царевна-Лебедь — г.-жа Забѣлла, Гвидонъ и Салтанъ — гг. Секарь-Рожанская и Мутинъ; гг. Левандовскій и Шкаферъ — скоморохъ и сторонникъ, гонецъ — г. Щевелевъ

* * *

Изъ Москвы намъ пишутъ: 23-го октября на сценѣ Нового театра шла въ первый разъ комедія Бауернфельда «Побѣда», не представляющая никакого особенного интереса: пьеса и не новая, и не глубокая по замыслу, и черезчуръ растинутая, такъ что все содержаніе ея можно было бы съ успѣхомъ вложить въ однаждынную или, много-много, двухактную комедію. Исполнителями главныхъ ролей выступили молодые артисты г.-жа Арсенева (Приска) и г. Красовскій (баронъ). Г.-жа Арсенева — молодая *ingénue dramatique* — выступаетъ въ отвѣтственныхъ роляхъ лишь съ этого сезона. Пока она играла Клеркентъ въ «Эгмонтѣ» и Лидочку въ «Свадьбѣ Кречинского». Не смотря на неровности и недостаточную отдѣлку деталей, чemu причиною, конечно, неопытность артистки, исполнение артистки искреннее и естественное. Г. Красовскій игралъ слишкомъ холодно. Остальные артисты, за исключениемъ г. Музилы, декламировали свои роли удивительно безжизненно. Подобный же характеръ, кстати сказать, постигъ и исполнение «Ромео и Джульетты» въ Маломъ театрѣ. Почти всѣ роли отданы также молодымъ сиамамъ; г.-жа Юдина 2-я — Джульетта — даже въ первый разъ выступаетъ вообще на сценѣ; нельзя не признать, что нѣкоторые молодые люди стараются... но и только.

Слѣдующая новинка Императорской драматической сцены — «Отжитое времѧ» («Дѣло») Сухово-Кобылина. Пьеса возобновляется для бенефиса г. Правдина и пойдетъ въ Маломъ театрѣ при очередномъ режиссерствѣ г. Южина въ первой половинѣ ноября.

Борисъ Г—н.

* * *

По слухамъ ходатайство московской частной оперы о разрешеніи оперы А. Г. Рубинштейна «Купецъ Калашниковъ» увѣнчалось успѣхомъ.

* * *

Михайловскій театръ. «Школьные товарищи», ком. въ 4 д. Фульда, переводъ съ нѣмецкаго Л. Г. Пьеса эта знакома петербуржцамъ по нѣмецкимъ спектаклямъ Бока. Въ оригиналѣ

она называется «Jugendfreunde» и относится къ тому жанру пьесъ, которая французы имѣютъ наивность называть «haute comédie», но которая у насъ относится, безъ дальнихъ словъ, къ фарсамъ. Это — двѣ крайности, разумѣется. Это — не «высокая комедія», требующая священодѣйствія, но и не буфф, со скаканіемъ и козлоглаголаніемъ. Поверхностная и искусственная интрига все же не исключаетъ характеровъ, и пьесы подобного рода слѣдуетъ всегда играть, стремясь къ типичности и характеристикѣ изображенія.

Сюжетъ пьесы заключается въ томъ, что четверо товарищъ дѣтства, которымъ уже стукнуло за тридцать, и которые пребывали въ нѣжнѣйшей дружеской связи, мало по малу женятся. Во второмъ актѣ, трое товарищъ являются съ женами къ главѣ кружка, доктору Мартенсу, и жены начинаютъ немедленно между собою ссориться, ссорять супруговъ, и товарищескому союзу грозить форменное распаденіе. Впрочемъ, въ четвертомъ актѣ женатый триумвиратъ рѣшаеть по прежнему поддерживать товарищескій союзъ, подъ верховенствомъ Мартенса, въ знакъ чего поетъ «Gaudeteatis». Но увы, самъ докторъ Мартенсъ женился на своей молоденской стеноографисткѣ, и слѣдуетъ полагать, что это уже будетъ окончательный ударъ союзу «Школьныхъ товарищъ».

Фульда разработалъ этотъ сюжетъ съ юморомъ, и нѣкоторыя характеристики, особенно женѣ, весьма удачны. Это — буржуазный «жанръ», котораго искуснѣйшіе образцы завѣщаны намъ французскимъ театромъ. Публика смѣется и уходитъ домой, вполнѣ довольна «собой, своимъ обѣдомъ и женой». Нѣмецкой комедіи, вообще, довольно искусной, мѣшаетъ къ сожалѣнію неизбѣжный острякъ, отпускающій «вицы». Этотъ традиціонный острякъ нѣмецкой комедіи мемнога, *à la longue*, несносенъ, но посмѣяться и тутъ возможно. Острякъ, доктора Мартенса, игралъ г. Долиновъ. Онъ дѣлаетъ свой комедійный тонъ очень добросовѣстно, но настоящей легкости я у него не нахожу. Отзываются какъ-то шаблономъ, а не живымъ, характернымъ лицомъ. Типичны были г. Корвинъ-Круковскій и г. Черновъ, игравшіе въ тонѣ настоящей комедіи. Поверхностно-водевиленъ былъ также г. Ридаль.

Женскія роли исполняли г.-жа Потоцкая, Морева, Домашева и Стравинская. Менѣе всѣхъ понравилась мнѣ г.-жа Стравинская. Она играла какъ-то тусклѣ, невыразительно. Больше всѣхъ мнѣ понравилась г.-жа Морева. Режиссерскихъ указаний совсѣмъ не чувствовалось, и пьеса производила впечатлѣніе наскоро спретованной. Финалы и, вообще, яркие моменты были невыдѣлены, — словно пьеса готовилась второпяхъ.

Однако, какъ же такъ второпяхъ? Въ Михайловскомъ театре ставить три—четыре пьесы въ сезонъ. Неужто некогда спретовать легонькую комедію?

H. Nov.

* * *

Петербургскій театръ. «Рабыни веселыя», ком. въ 4 д., соч. В. Б. Протопопова.

Рабыни веселыя — это тѣ «милыя, но погибшія созданія», которыхъ въ изобиліи встрѣчаешь въ нашихъ загородныхъ садахъ и изъ которыхъ формируются всевозможные хоры, квартеты, квинтеты. Назначеніе ихъ — веселить всячими способами — и дозволенными и недозволенными — разныхъ саврасовъ безъ узды, дикость которыхъ здѣсь, въ этомъ «омуть веселыя», проявляется во всей своей неприкословимости. Быть и правы этихъ «жрицъ» необузданаго и дикаго веселья и изобразиль въ своей пьесѣ г. Протопоповъ. Тутъ есть все: и женскій хоръ во всей непримѣрной обстановкѣ его жизни, и самодуры-купцы, нраву которыхъ не препятствуй, разъ они начали «веселиться», и кафе-шантанна «этуалъ», и даже «угнетенная невинность», по неопытности и ошибкѣ попавшая въ этотъ вертепъ. Рассказывать подробно содержаніе пьесы — я не стану, ибо трудно быть строго постѣдовательнымъ при передачѣ ряда картинъ, связанныхъ между собой только на живуя нитку. Впрочемъ и мѣръ, который рисуетъ авторъ, самъ-по себѣ представляетъ только рядъ эпизодовъ.

Жанровалъ сторона пьесы говоритъ, однако, о наблюдательности автора и заслуживаетъ вниманія. Какъ самая среда, выведенная въ пьесѣ, такъ и дѣйствующія лица сильно идеализированы, такъ сказать — «расцѣчены», но это, пожалуй, и лучше. Что касается романтической интриги, изображенной въ пьесѣ, то, она сдѣлана опытной рукой и потому смотрится съ интересомъ. Завѣщается она въ томъ, что нѣкій Кудровъ — купецъ новѣйшей формации, весьма и весьма смакивающій на «дженитльменѣ» Рыдловѣ, — задумалъ погубить «наивную дѣвушку Лену» только что вступившую въ хоръ и неподозревавшую, въ какой омутъ грязи она попала. Пособникомъ Кудрова является краевецъ Васыка-щеголь, солистъ того же хора, который добивается того, что Лена въ него влюбляется. Онъ набрасывается затѣмъ передать ее Кудрову, но пошла и грязная интрига случайно открывается, и Лена, послѣ гроесс-скандала, вмѣстѣ съ таперомъ, вступившимъ за

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕАТРЪ.

1) Таперь. 2) Бѣлородовъ веселится. 3) «Этуаль» Ольга Роговичъ.

нее, уходить изъ хора такой же чистой и непорочной, какой она и пришла.

Недурно, напр., обрисована доморощеная „эт уаль“, действительно милое, хотя и погибшее создание — Ольга Роговичъ. Замѣчу кстати, что исполнительницѣ этой роли легко впасть въ утиrovку: „Паливать“ на „дотали“ слѣдуетъ „съ осторожностью“. Очень яркая фигура содержательницы хора Ирины Степановны. Шиніе, разумѣется, не ея назначение, и самыи хоры, содержимый ею, это только ширмы, за которыми обѣдливаются разныи темныи дѣлишки и совершаются всѣ акты „купили-продали“ живого товара.

Исполненіе было въ общемъ хорошее и, признаюсь, я былъ пріятно пораженъ, что трупина г-жи Шабельской способна играть стъ такимъ апсамблѣмъ. На первос мѣсто должны быть выдѣлены гг. Яновъ и Грековъ. Г. Яновъ выдѣлилъ роль тапера на первый планъ. Публикѣ г. Яновъ особенно понравился въ послѣднемъ актѣ, гдѣ онъ выказалъ педюжинный темпераментъ. Но лично на меня произвѣлъ наибольшее впечатлѣніе 3-й актъ и именно та сцена, когда Кудровъ заставляетъ Ковровскаго плясать. Въ этой сценѣ у г. Янова мало словъ, но зато мимика поразительна. Лицо его въ пѣсколько секундъ отразило цѣлую гамму настроеній, и я рѣшительно не понимаю, какъ артистъ достигаетъ моментального превращенія лица изъ совершеннаго блѣднаго въ сильно раскраснѣвшееся, и ваоборотъ. Во всякомъ случаѣ, я очень радъ успѣху г. Янова. Радъ и за него и... за себя, ибо, какъ теперь оказывается, я не ошибался, когда послѣ „Свадьбы Кречинскаго“, среди всеобщихъ неодобрѣвъ по адресу артиста, высказался въ томъ смыслѣ, что онъ хоть и плохой Кречинскій, но все же въ его игрѣ есть что-то такое, что говорить о несомнѣнномъ талантѣ артиста. Предсказанія эти оправдались даже скорѣе, чѣмъ я думалъ.

Однако, отъ пѣкоторыхъ замѣчаній я все же не могу удержаться. Напримѣръ, въ послѣднемъ актѣ г. Яновъ ведетъ роль съ сильнымъ подъемомъ. Это говорить въ пользу темперамента артиста, но не слѣдуетъ забывать, что Ковровскій — по толкованію самого же артиста — чахоточный и производить такое впечатлѣніе, что вотъ—вотъ отправится на тотъ свѣтъ. У чахоточного не можетъ, разумѣется, быть и половины той силы, которую артистъ проявляетъ въ 3-мъ актѣ.

Прекрасно игралъ Бѣлородова г. Грековъ. Артистъ выросъ на подобныхъ роляхъ и нѣтъ ничего удивительнаго, что на этотъ разъ онъ имѣлъ большой и вполнѣ заслуженный успѣхъ. И походочка, и говорокъ, и самыи манеры — все это у г. Грекова было чрезвычайно типично.

Не лишена типичности, хотя немногого и однообразна, г-жа Легатъ (Ирина Степановна). Г-жи Казбичъ, Никитина, и особенно Михайлowsкой и Кирова живо и весело играли хористочки. Онѣ очень скоро схватили пѣкоторыя типическія особенности. Даже „безпокойная ласковость взора“ какъ — будто чувствовалась. Мѣстами былъ недуренъ г. Августовъ (Вася — щеголь), хотя ничего цѣльнаго онъ не далъ. Были отдельные мазки, иногда очень удач-

ные, но этимъ все и ограничивалось. Натура у этого несомнѣнно способного артиста какал-то прямолинейная. Ему удаются пѣкоторые отдѣльные моменты, но цѣлые характеры, съ ихъ особымъ колоритомъ, выходятъ у него не рельефио. Притомъ онъ малоопытенъ.—Имѣла успѣхъ и г-жа Тонская, игравшая Ольгу Роговичъ. Послѣ шансонетки (III актъ) ей много аплодировали.

Г. Петросянъ игралъ Кудрова грубо и безъ оттѣнковъ. Естѣди, зачѣмъ г. Петросянъ частенько конецъ фразы бормочетъ себѣ подъ носъ? Г-жа Лачинова вела роль Лены довольно ординарно, хотя вообщѣ пассивныя роли больше вѣя ея средствахъ, нежели сильныя. Артистѣ много времени плохая мимика.

Упомяну еще о г. Макаровѣ-Юневѣ, очень веселомъ дворнику Калистратѣ, и о г-жѣ Островской, живо изображавшей кухарку. Первый представлѣнія прошли при неизменномъ театре.

Вл. Линскій.

* * *

На 4 ноября назначенъ экстренный симфоническій концертъ въ память Рубинштейна. Въ залѣ думы въ тотъ же день — литературно-воѣальный вечеръ въ память Мочалова. Участвуютъ въ разныхъ сценическихъ отрывкахъ заслуженные петербургскія артистки, какъ г-жи Стрепетова, Горева, Савина; читаются воспоминанія гг. Кремлевъ и Вейнбергъ.

* * *

Дирекція Императорскихъ театровъ предложила Аполлинарию Мих. Васнецову сочинить эскизы декораций и костюмовъ для оперы «Садко» г. Римского-Корсакова. Побывавъ съ цѣлью изученія пейзажа на сѣверѣ Россіи г. Васнецовъ представилъ дирекціи болѣе ста листовъ акварельныхъ рисунковъ. Кромѣ костюмовъ, художникомъ сочинено семь эскизовъ декораций. Первая — гридня, внутренность бревенчатой изукрашенной новгородской общественной избы; мотивы украшений взяты изъ одной старинной церкви Архангельской губерніи. Вторая — дубрава у Ильменя, на берегахъ которого въ старину росли дубы. Третій эскизъ представляетъ свѣтлицу Садка. Далѣе слѣдуетъ пристань въ Новгородѣ, подъ земляной городской стѣной, увѣнчанной тыномъ; видна каменная стѣна дѣтинца. Садко въ морѣ, на своемъ «Соколѣ»; ночной морской пейзажъ при лунномъ освѣщеніи. «Соколь» возсозланъ по старымъ рисункамъ русскихъ судовъ и кораблей викинговъ; подводный дворецъ морского царя, состоящій изъ движущихся водяныхъ струй, водоворотовъ и волнъ. Послѣдняя картина — снова Ильмень деревянная часть Новгорода, а вѣли знаменитый Спасъ Нередицкій, теперь сѣдая древность, тогда, при Садкѣ, новая краса «отца городовъ русскихъ». Приступлено къ выполненію костюмовъ и декораций.

* * *

Оперный импресарио В. Н. Любимовъ подписалъ контрактъ съ г-жой Альмой Фостремъ на четыре мѣсяца — съ Великаго поста по юнь. Ведутся переговоры съ знаменитымъ пѣвцомъ И. Решкѣ и примадонной парижской «Большой оперы» г-жею Даркѣ. Товарищество откроетъ свои спектакли сперва въ Петербургѣ, въ театрѣ консерваторіи. Мѣсто спектаклей въ Москвѣ еще не опредѣлено.

* * *

Московскія газеты сообщаютъ подробности о могилѣ П. С. Мочалова.

Скромная металлическая рѣшетка, съ трехъ сторонъ которой выросли двѣ березы и одна липа... На дверцахъ рѣшетки бросается въ глаза дощечка съ надписью: «Могила П. С. Мочалова охраняется русскимъ театральнымъ обществомъ». Въ лѣвомъ переднемъ углу, за рѣшеткой, на самой могилѣ П. С., на четырехугольномъ постаментѣ, — памятникъ въ видѣ круглой колонны; по срединѣ колонна перерѣзывается кубомъ, на которомъ выбиты имя, отчество и фамилия артиста, съ датами рождения и смерти. Средину огороженного мѣста занимаетъ гранитная колонна, на которой съ одной стороны вычеканены слова:

«Отъ почитателей
таланта».

а съ другой:

Павелъ Степановичъ
Мочаловъ.

Скончался 16-го марта 1848 года.

и немногого ниже:

«Ты слылъ безумцемъ въ этомъ мірѣ,
И бѣднякомъ ты опочилъ,
И лишь предъ избраннымъ поэтомъ
Земное счастье находилъ.
Такъ спи, безумный другъ Шекспира,
Оправданъ вѣчности Отцомъ.
Вѣщаլъ Онъ, что премудрость міра
Безумство предъ Его судомъ».

Коринеян. 3, 14.

Могила Мочалова.

Въ лѣвомъ заднемъ углу возвышается памятникъ на могилѣ отца П. С.—Степана Федоровича Мочалова. На этомъ памятникѣ выбиты слова:

«Здѣсь погребено тѣло

Императорскаго
Московскаго Театра Актера
Степана Федоровича Мочалова».

а дальне даты о рождениі, смерти и супружествѣ.

* * *

Въ 40-хъ годахъ въ Одессѣ подвизался артистъ Мочаловъ—тоже трагикъ, неоднократно выступавшій въ роли Гамлета, Кина, Отелло и др. трагическихъ роляхъ и покончившій съ собою тоже трагически (онъ зарѣзался). Въ одной изъ аллей Стараго кладбища въ Одессѣ находится запущенная могила. Надпись на потрескавшемся, ветхомъ памятникѣ гласитъ: «Здѣсь похоронится прахъ актера Мочалова, скончавшагося въ 1848 г., на 32 году жизни, а въ скобкахъ значится настоящая фамилия артиста: «Иванъ Лукич Бушуйкинъ». Многіе гостище въ Одессѣ артисты и вообще любители театра, посѣщающіе кладбище, останавливаются у «могилы Мочалова» и полагаютъ, что это и есть «настоящій Мочаловъ».

Предостерегаемъ отъ однофамильцевъ.

* * *

Василеостровскій театръ. Въ субботу, 21 октября, мнѣ, наконецъ, удалось попасть въ этотъ симпатичный театръ. Я былъ здѣсь еще въ сравнительно далекія времена Я. И. Шмитова. Съ тѣхъ поръ много воды утекло и многое, разумѣется, перемѣнилось. Прежде всего теперь другой режиссеръ—С. А. Свѣтловъ, который въ прежніе годы режиссировалъ спектаклями Невскаго Общества устройства народныхъ развлечений. Кромѣ того г. Аркадьевъ, неизмѣнныи любимецъ мѣстной публики въ продолженіи многихъ лѣтъ, ушелъ въ проиницію и на его мѣсто приглашена г. Эльскій. Затѣмъ г-жу Недвѣцкую замѣнила г-жа Весенева, не безызвѣстная провинциальная актриса.

Всѣ эти перемѣны отразились, разумѣется, какъ на репертуарѣ, такъ и на веденіи дѣла. Старушкѣ мелодрамѣ, которая создала успѣхъ этому театру, дана рѣшительная от-

ставка и ее замѣнилъ въ полномъ смыслѣ классической репертуаръ. «Отелло», «Гамлетъ», «Донъ-Карлосъ», «Коварство и любовь», «Донъ-Жуанъ», «Уріель Акоста» и пр. пр.—вотъ что теперь пестрѣеть на афишахъ. И вопреки пророчеству литературныхъ кликушъ, ратующихъ за господство мелодрамы на сценахъ народныхъ и общедоступныхъ театровъ, сборы въ Василеостровскомъ театрѣ не только не понизились, но наоборотъ, поднялись, и дирекція теперь озабочена мыслью о постройкѣ нового театра, значительно большихъ размѣровъ.

Въ этотъ вечеръ шла трагедія «Уріель Акоста». Въ заглавной роли выступила г. Эльскій, достаточно знакомый петербургской публикѣ. Роль Акосты въ репертуарѣ этого артиста, во всякомъ случаѣ, одна изъ наиболѣе удачныхъ. Выдержано ведется имъ Гактъ. Удачна и сцена въ синагогѣ. Г-жа Про-кофьева (Юдио) понравилась мнѣ значительно меньше. Это—способная артистка, но она совсѣмъ не думаетъ о томъ, что она говоритъ и что ей говорить, потому въ ея игрѣ все время чувствуется какая-то фальшь. Въ начаѣ II акта, напр., Уріель говоритъ о томъ, что въ данный моментъ Юдио съ нимъ черезчуръ привѣтлива. Изъ этого ясно, что хотя ей, на самомъ дѣлѣ, и досадно на него, но она все же остается съ нимъ ласковой и привѣтливой. Между тѣмъ, Юдио—Про-кофьева въ этой сценѣ и рветъ, и мечтѣ, и кричитъ. Г. Мор-виль (Венѣ-Локай) производитъ впечатлѣніе малоопытнаго артиста. Ни голосъ, ни жесты не поддаются его волѣ. Но нѣкоторыя отдельныя фразы произносятъ артистъ хорошо. Прекрасный Де-Сильва—г. Шабельскій. Это вообще полезный и умный актеръ. Ему только иногда вредить не всегда умѣстное стремленіе къ опрошенію. Типичны г-жа Сѣверова (Эссеир) и г. Холминъ (Бенѣ-Акиба). Зато г. Львовъ (Де-Сантосъ) вслѣдствіе короткаго дыханія, какъ-то странно дѣлаетъ фразы, такъ что получается впечатлѣніе, что онъ не знаетъ ролі.

Обставлена пьеса съ большой любовью и старательностью.
В. Л. Л-и.

* * *

Въ залѣ Павловой былъ устроенъ 26-го спектакль «на образованіе первоначального фонда для учрежденіе школы ученыхъ кузнецівъ Общества покровительства животнымъ» (ол о!) при участіи г-жи Дашковой, г. Дьяконова и другихъ артистовъ «петербургскихъ театровъ». Очень разнообразный спектакль. Драма Роветта «Безчестные», «Страница романа», Берникова, мелодраматія, декламація, пѣніе, игра на гитарѣ - лирѣ, словомъ—всякаго жита по логії.

Однако, если и дальше дѣло пойдетъ такъ, то будущіе «ученые кузнецы», по пословицѣ сами должны ковать свое счастье; публики собралось очень мало. Спектакль пропадетъ хорошо, и это безъ преувеличенія.

Въ «Безчестныхъ» успѣхъ выпалъ на долю гг. Словацкова и Дьяконова. Первый дѣлать очень хороший типъ рамолисмана-писателя, ничего не дѣлающаго старца. Второй правдиво, жизненно, порой съ настоящимъ драматическимъ подъемомъ изобразилъ героя пьесы. Г-жа Дашкова играла хорошо, но ей, видимо, мѣшала пустой залъ. Очень сочувствую ей. Недурна была въ очень маленькой рольѣ г-жа Венгерова. Если она позаймется собою, изъ нея выйдетъ актриса. Очень мило, «съ темпераментомъ», разыграна была «Страница романа» г-жами Кондратьевой и Тоцкой, особенно первой.

Въ дивертисментѣ г-жа Леонова пѣла цыганскіе романсы, имитировала Отеро, Кавальери, Гальтонъ,—жанръ не всегда интересный. За то интересенъ былъ г. Сартинскій—Бей, хорошо игравшій на имъ самимъ изобрѣтенномъ инструментѣ: гитарѣ-лирѣ, и пѣвшій подъ аккомпанементъ ея.

Борисъ Криндачъ.

* * *

3 ноября въ залѣ Павловой состоится любопытный спектакль: студенты играютъ съ актрисами «Власть тьмы». Играютъ-то они, играютъ, да хорошо-ли это будетъ? Спектакль, впрочемъ, столь любопытенъ, что привлечетъ, вѣроятно, многочисленную публику, а самое главное, чтобы денегъ на взносы платы за недостаточныхъ студентовъ было побольше.

* * *

Фарсъ. Въ бенефисѣ г. Сабурова былъ поставленъ новый фарсъ «Выставка красавицъ». Это—русскій фарсъ, съ русскими именами, но нравы... совсѣмъ не русскіе. Очевидно, что и здѣсь безъ «заимствованія сюжета» не обошлось, хотя г. П. П. С. Ж., имя которого красуется на афишѣ, обѣ этомъ, вѣроятно, изъ скромности умолчалъ и выдалъ пьеску за продуктъ собственного изобрѣтенія. Вся суть нового фарса сводится къ тому, что нѣкоторыи Мартышкинъ, старый селадонъ, мечтающій хотѣть чѣмъ-нибудь себя прославить, задумалъ устроить выставку знакомыхъ красавицъ. Мысль столь-же оригинальна, сколь и лестная для артистокъ театра. Въ числѣ красавицъ фигурируютъ г-жи Грановская, Кручинина, Добровольская, Морская и др., решетирующая на сценѣ всякия несообразности. Судя по репетиціямъ, выставка не обѣщала быть обебѣнно скромной, почему, вѣроятно, полиція и не дала на нее разрѣшенія. Фарсъ оканчивается появленіемъ на

сцену городового, который привлекаетъ къ уголовной ответственности всю компанию. Въ этомъ фарсѣ мила г-жа Грановская, и не лишены своеобразнаго эффекта г-жи Кручинина и Морская.

Самъ бенефиціантъ выступилъ въ старой пьесѣ «Налогъ на веселыхъ дамъ», знакомой публикѣ по прошлому сезону. Успѣхъ артиста, по обыкновенію, былъ шумный. Сборъ полный.

Г. Сабуровъ получилъ много подарковъ.

В. Л.

* * *

Въ Москвѣ, 27 октября, разыгралась кровавая драма, жертвой которой оказалась артистка балета Императорскихъ театровъ. Конторщикъ Маковецкій приревновалъ къ кому-то свою жену, служившую въ балетѣ и выстрѣлилъ въ нее три раза. Артистка до того растерялась, что выбивъ стекла въ рамѣ, выбросилась съ третьего этажа. Смерть разумѣется, моментальная. Когда полиція вошла въ квартиру, то нашла мужа плавающимъ въ крови: онъ застрѣлился. Объ этомъ происшествіи много говорятъ въ городахъ.

* * *

Въ Петербургѣ въ настоящее время гостить сіамская труппа. Сіамскій театръ—это ликовинныя, и довольно забавныя балетныя упражненія, напоминающія «камбаджійскій танецъ», который былъ недавно нами воспроизведенъ въ рисункѣ. Главное искусство танцовщицъ выражается въ выворачиваніи пальцевъ рукъ. «Ручной балетъ», такъ сказать. Сіамская труппа дастъ нѣсколько представлений въ театрѣ «Фарсъ». Кроме того, состоится утренний спектакль этой труппы въ Императорскомъ театре. Можно было бы сдѣлать изъ свободнаго утра лучшее употребленіе.

* * *

Лина Кампана, танцовщица приглашенная въ балетъ и не допущенная къ дебюту, по газетнымъ слухамъ, прельяется къ дирекціи Императорскихъ театровъ искуствомъ неустойкѣ. Нѣсколько лѣтъ назадъ съ подобнымъ же искуствомъ выступила бывшая артистка Михайловскаго театра, г-жа Марсіаль.

* * *

По поводу замѣтки нашей о томъ, что музыкальные критики „покушали“ посмѣхъ концерта Шюньо, мы получили письмо или „возраженіе“. Во-первыхъ, оказывается, что кушало всего 4 критика. Комплектъ же музыкальныхъ критиковъ по крайней мѣрѣ вдвое больше. Во-вторыхъ, „что же тутъ зазорного? И кого же звать въ компанію къ артистамъ, какъ не знатоковъ и цѣнителей искусства? Чиновниковъ въ хорошемъ чинѣ, что ли, приглашатъ? Нѣтъ, это не европейскій, а какой-то азіатскій взглядъ на вещи!“

И такъ, мы азіаты, потому что не ужинаемъ за счетъ г. Шредера. Впрочемъ, ужинъ съѣденъ—и о чёмъ тутъ разговаривать?.. Желательно было бы только, чтобы фортепианныя фирмы дѣлали хорошие рояли, а если онѣ еще при этомъ будутъ гостепріимны, то чего же больше и требовать?

* * *

Къ сезону въ провинціи.

Таганрогъ. Театральная комисія, ознакомившись съ труппою В. Л. Форкатти въ спектакляхъ первой недѣли (поставлены были пьесы: «На жизненномъ пиру», «Ограбленная совѣсть», «Бѣшеная деньги», «Игра въ любовь», «Волшебная сказка», «Бракъ», «Соколы и вороны», и «Коварство и любовь»), пришла къ тому заключенію, что въ общемъ составѣ труппы г. Форкатти слѣдуетъ считать удовлетворительнымъ, почему нѣтъ необходимости прибѣгать къ требованію замѣны кого-либо изъ артистовъ другимъ. Рецензія благопріятная.

На станціи «Таганрогъ» существуетъ кружокъ для доставленія разумныхъ развлѣченій желѣзодорожнымъ служащимъ. На дняхъ состоялось собрание членовъ означенного кружка для выбора и распределенія обязанностей между должностными лицами. Предсѣдателемъ кружка избранъ С. Л. Балинскій; вице-предсѣдателемъ—П. П. Петровъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ избранъ распорядителемъ по устройству народныхъ чтеній. Распорядителемъ по устройству спектаклей избранъ—П. Я. Собениковъ, а помощниками его и замѣстителями Г. В. Гонинъ и Н. Н. Жекулинъ.

Николаевъ. Театръ на зимній сезонъ снять опереточнай труппой г. Новикова, пострадавшей, какъ извѣстно, при пожарѣ Ялтинскаго театра.

Ялта. Антрепренеръ сгорѣвшаго театра С. Н. Новиковъ вступилъ въ сношеніе съ ялтинскимъ управлениемъ имѣніями г. Мордвинова и предполагаетъ построить лѣтній театръ на отводимой ему въ Мордвиновскомъ паркѣ землѣ въ количествѣ 3 десятинъ. Здѣсь будетъ разбитъ садъ, построенъ ресторансъ и театръ. Г. Новиковъ уже нашелъ себѣ компаньона въ лицѣ арендаторовъ городского сада бр. Соколовыхъ.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЕ АРТИСТКИ.

В. Н. Пшесецкая.

Севастополь. 8-го октября въ городскомъ театрѣ начались спектакли малороссийской труппы г. Суходольского.

Казань. 1 июля 1901 г. оканчивается срокъ аренды городского театра М. М. Бородаемъ. Поэтому одинъ изъ гласныхъ заявилъ спасъ въ маѣ о необходимости вызова конкурентовъ на аренду театра путемъ публикацій. Заявленіе это было своевременно разсмотрѣно, совмѣстно съ поступившими заявленіями о желаніи снять театръ. Пока претендентами являются Н. М. Шерпаньеъ, М. Ф. Салтыковъ и М. М. Бородай. Первый, снимая театръ на 2 года, предполагалъ поставить полъ-сезона драму и полъ-сезона оперу, второй предлагаетъ взять театръ на 4 года, при чемъ въ первый сезонъ предполагаетъ ставить одну оперу, а въ остальные три драму и оперу, наконецъ М. М. Бородай, снимая театръ на два года на прежнихъ условіяхъ, предлагаєтъ ставить зимою одну драму, а въ теченіе Великого поста до 1 мая русскую оперу. Театральная комиссія означенныя заявленія представила думѣ, объяснивъ, что желательно, не ограничиваясь имѣющими предложеніями, продолжать вызовъ желающихъ арендовать городской театръ.

Вслѣдствіе этого Дума въ послѣдніемъ засѣданіи поручила управѣ помѣстить публикацію въ театральной газетѣ о вызовѣ антрепренеровъ, собратъ контракты изъ другихъ городовъ для выработки условій и войти въ то же время въ сношенія съ М. М. Бородаемъ объ аренде имъ театра на новыхъ условіяхъ.

Пермь. Съ 28 сентября по 12 октября дано было 10 спектаклей. Весь валовой сборъ за это время достигъ суммы 3714 руб. 67 коп., т. е. въ среднемъ, на каждый платный спектакль приходится — 412 руб. 74 коп.

Тула. Драма. Антреприза г-жи Майеровой. Составъ труппы: г-жи Н. Д. Рыбчинская—героиня, Любатовичъ, Надеждина (изъ театра Петерб. Попечительства) — ingénue, Никитина—grande dame, Лавровская, Орлова. Гг. Даро-Владимировъ, Грудинъ, Лаухинъ — драм. резонеръ, Востоковъ—комикъ-резонеръ, Тимиревъ (изъ петерб. театровъ) — комикъ-буффъ, Костињъ, Ланко, Нацилевичъ, Смирновъ. Режиссеръ А. П. Грубинъ. Пом. режиссера — Смирновъ, суплеръ — Серебрянниковъ, декораторъ — Кузнецовъ. Открытие состоялось 22 октября пьесой «Въ старые годы». Для второго спектакля шли «Нищѣ духомъ».

Бердянскъ. Драма. Составъ труппы: г-жи А. А. Кручинина (героиня), К. П. Новицкая (ingénue), П. А. Максимова (грандъ-дамъ и драм. старуха), Е. К. Семенова-Звѣздичъ (энженю-ком., и водевильн. съ пѣніемъ) и А. К. Пчелка (комическая старуха). Мужской персоналъ: В. Н. Киселевъ (герой-любовникъ), П. И. Чардынинъ (1-й любовникъ), П. Н. Максимовъ (драм. резонеръ), И. П. Осиповъ фатъ (любовникъ), С. С. Лидинъ (комикъ), И. А. Рошинъ (простакъ и водевильн. съ пѣніемъ) и В. А. Долинский (комикъ — резонеръ). Суплеръ М. А. Сарматовъ.

Ярославль. Въ «Нов. Вр.» пишутъ: Общество для содѣстствия народному образованію въ Ярославской губерніи обратилось въ думу съ просьбою о безвзмездномъ отводѣ участка городской земли, необходимаго для постройки народного дома. Дума отнеслась сочувственно къ начинаніямъ общества и почти единогласно постановила поручить городской управѣ приготовить докладъ о свободныхъ земельныхъ участкахъ.

На томъ же засѣданіи, однако, явилась и оппозиція. Г. Чистяковъ (гласнаго мѣстной думы), заявилъ, что ходатайство Общества

Г-жа Терехова.

следовало бы отклонить въ виду того, что для города убыточно уступать землю, приносящую доходы въ городскую кассу, что имя основателя русского театра не такъ ужъ велико въ истории умственного развитія русского общества, чтобы стоило увѣковѣчивать его такимъ дорогимъ образомъ, что народу нуженъ хлѣбъ, а не зѣлища, и такъ далѣе.

И это говорится тамъ, где всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ такъ пышно праздновался юбилей русского театра!.. Ну, и нравы...

ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. Г. г. Редакторъ! Приступаю къ составленію біографіи покойнаго артиста В. Н. Андреева-Бурлака, позволите мнѣ черезъ посредство Вашей уважаемой газеты обратиться съ просьбой къ лицамъ, знающимъ В. Н., сообщить мнѣ свѣдѣнія о немъ. Все присланное, по снятіи копіи, будетъ съ глубокой благодарностью возвращено авторамъ.

В. Н. Ребровскій.

Г. Москва, Брюсовский пер. № № «Дагмары». Покорнѣйше прошу другія газеты перепечатать это письмо.

ГАСТРОДИ ЗОННЕНТАЛЯ.

Зонненталь вторично посѣщаетъ Петербургъ. Въ настоящее время это уже „глубокій“ старикъ, по возрасту. Ему 70, а по другимъ свѣдѣніямъ 72 года. Но бодрость, подвижность, самообладаніе у него поразительны. Всего же поразительнѣе его голосъ — полный, звучный, молодой. Сколько работы, видно, было положено на этотъ голосъ!

Для первого выхода Зонненталь выступилъ въ „Натаиль Мудромъ“. Артистъ даетъ цѣломудренно-чистый, прекрасный, какой-то лучезарный обликъ Натаана. Не сухой философъ-метафизикъ передъ нами, но живая, благостная душа. Знаменитую басню о трехъ перстняхъ Зонненталь читалъ удивительно красиво и трогательно, и въ то же время очень просто, безъ всякихъ „гастролерскихъ штучекъ“.

23 октября Зонненталь выступилъ въ драмѣ „Дочь г-на Фабрициуса“, известной въ русскомъ переводе подъ наименіемъ „Огъ судьбы не уйдешь“. До времени посѣдѣвшій, съ первымъ дрожаніемъ руки, отучившійся въ одночочкѣ заключеніи говорить, старикъ Фабрициусъ поспѣлъ 24 лѣта тюрьмы получить свободу. Въ костюмѣ приличнаго оборванца безъ всякаго признака бѣлья, но съ цилиндромъ въ рукахъ, со странно раскрытыми, привыкшими къ полуутыкѣ глазами, этотъ человѣкъ кажется чужимъ, Богъ вѣсть откуда взявшимъ. Зонненталь на рѣдкость скватилъ его

обликъ. Опь едва началь говорить, чо вы уже знаете его судьбу и уже страдаете съ нимъ. Посмотрите, какъ онъ входитъ въ комнату: робко, осторожнo, съ подозрѣніемъ, что на него сейчасъ прикрикнутъ, выгонятъ, выругаютъ. Параллельно съ этимъ, припомните его увѣренную, прямую походку при явкѣ къ скѣдователю: здѣсь ему, истренавшемуся по судамъ—знакомо все: онъ знаетъ даже, что скамья для него будетъ слѣвъ въ входа и, не гляди, прямо поворачивается къ пей—это очень тонко проведено артистомъ.

Признаніе въ убийствѣ (II актъ) Зонненталь ведеть просто и чрезвычайно трогательно. Онъ привыкъ къ тому, что люди считаютъ его извергомъ, отребьемъ, и знаетъ, что ему по мѣсто въ „компаниѣ человѣческой“. Тонкая подробность: когда Ролифтъ, выслушавъ разсказъ объ убийствѣ, невольно отступаетъ въ сторону, Зонненталь, захвативъ цилиндръ, этотъ „комический“ цилиндръ, идетъ покорно къ дверямъ... Его поразительно богатый голосъ, неподражаемая мимика и реалистическая подробности игры заставляютъ совершенно забыть недостатки этой пьесы, превращающей нѣсколько ходульное лицо раскаивающагося „злодѣя“ въ живой, художественный образъ. Въ сценѣ, где Фабриціусъ проклинаетъ жену, онъ показался мнѣ слабѣе. Вообще, бурный драматизмъ выходитъ у Зонненталя не такъ ярко. Впрочемъ, и годы не тѣ. Зато въ послѣднемъ дѣйствіи—у скѣдователя—Зонненталь опять великолѣпенъ. А крикъ, вырвавшійся изъ глубины сердца: „Meines Kindes Kind!“—этотъ крикъ буквально потрясъ залъ!

25 октября — „Нарциссъ“, драма Брахфогеля. Нарциссъ это странное существо, чудасть, оригиналъ; несчастіе, поразившее, правильнѣе, произвѣшившее его въ молодости, положило начало на всю жизнь, сдѣлало его исключительнымъ существомъ, артистической натурой. Есть такія лица, которыхъ сильное потрясеніе дѣлаетъ „артистическими натурами“—такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ Зонненталь. Плохой актеръ на подмосткахъ, онъ наполовину искренно актерствуетъ въ жизни. Посмотрите на эти „живописны“ лохмотья, на гордо поднятую голову, на актерской частое пожатіе плечъ, обратившееся въ привычку, послушайте интонацію могучаго голоса, не знающаго что такое юношество, и этогъ странный звукъ, искусственный беззаботности—„ахъ-ха!..“ Но въ душѣ его живутъ ноззіи и любовь и безмѣрное состраданіе: не даромъ дѣлъ „большія“ женщины, изъ которыхъ одна была маркиза Помпадуръ, беззаконно и долгіе годы любить этого оригинала; не даромъ и онъ самъ любить женщину, бѣжавшую отъ него, и черезъ много лѣтъ плачетъ при воспоминаніи о быломъ счастьѣ...

Катастрофа, мастерски подготовленная сложнымъ механизмомъ придворной интриги — свершилась. Помпадуръ узнала своего мужа, а Нарциссъ—долго искому жено. Мнѣ показалось эта сцена холодной и даже не эффектной: можетъ быть, Зонненталь берегъ экономно свои силы для соблюденія общей сценической мѣры... Зато дальше онъ развернулся. Недоумѣвающимъ взглядомъ осматривается онъ дорогой парльѣ жены. Но вотъ произнесено имъ Помпадуръ. Онъ медленно безсознательнѣмъ движениемъ сбрасываетъ съ себя красный плащъ актера—дивная подробность, полная глубокаго символического смысла!. Передъ повелительницей Франції теперь большой ребенокъ, съ большой, тоскующей душой... Онъ судя, онъ и страдаецъ... И когда безуміе охватываетъ этогъ бѣднаго, измученнаго мозгъ, чувствуешь, что свершилась высшая справедливость и высшее милосердіе. Нарциссъ умираетъ. Онъ не можетъ болѣе жить. Не для чего, не чѣмъ...

Послѣ двухъ пьесъ пѣмѣцкаго репертуара, крайне интересно было посмотреть знаменитаго артиста въ „Рѣге рюдігѣс“ Дюма. Лицо, фигура, подрагивающая походка, и этогъ французской свѣтскости и самый стиль Дюма—были переданы Зонненталемъ въ совершенствѣ. Онъ напомнилъ мнѣ другого маститаго артиста, А. Февра, вышедшаго уже изъ состава „Comédie Française“, съ чарующею грациею его діалога, съ этою необыкновенною простотою средствъ, нужныхъ для характеристики, въ которыхъ нѣть ничего лишняго. Никакой игры въ простоту, но сама простота; илъ скѣда жеманства или погони за эффектами.

О другихъ спектакляхъ Зонненталя въ слѣдующемъ номерѣ. Про его игру пріятно рассказывать—какъ будто перебираешь въ памяти что-то очень хорошее и отрадное.

Н. Неструевъ.

ПИСЬМО ИЗЪ КІЕВА.

19-го октября, въ городской думѣ происходило обсужденіе контракта, заключаемаго городомъ Кіевомъ съ г. Бородаемъ, а произошло нѣчто совсѣмъ неожиданное: М. М. Бородай отказался отъ аренды городского театра. Дѣло сорвалось изъ-за гравенника...

Серьезно. «Гишайшій» Михаилъ Матвеевичъ все былъ готовъ претерпѣть: 24,000 р. арендной платы, взимаемой за мѣсяцъ впередъ, безчисленные штрафы, явно и скрыто, подобно «тайнымъ мелямъ», пестрившимъ всѣ сорокъ три (съ примѣчаніями) параграфа городского контракта, но гравенника не уступилъ... Не могъ. «Мнѣ, вѣроятно, думалъ онъ, можетъ быть, только этотъ гравенникъ и останется, а вы и его хотите оттягать».

«Не могу-съ, ради-бы, но не могу-съ!.. Свыше силь...» И почтительно отвѣтивъ собранію три низкихъ поклона, г. Бородай вышелъ изъ думскихъ чертоговъ.

«За отказомъ г. Бородая, обсужденіе договора на аренду городского театра прекращается, дума переходить къ очереднымъ дѣламъ»—прозвозгласилъ городской голова, будучи, такъ сказать, на высотѣ исторического момента.

Теперь позвольте рассказать, какимъ образомъ произошла сія бородаевская конфузія.

Вамъ уже известно, что кіевская городская дума представляла изъ себя нѣкоторое подобіе австрійскаго парламента; интересы думскихъ партій такъ же противоположны и несогласны между собою, какъ и интересы національныхъ партій въ австрійскомъ государственномъ учрежденіи; способы защиты ихъ вполнѣ сходны, до рукоприкладства включительно.

Очевидно, имѣя дѣло съ такимъ учрежденіемъ, должно пріготовиться ко всяkimъ неожиданностямъ, а потому, отправляясь на думскіе хоры слушать обсужденіе контракта, заключаемаго городомъ съ г. Бородаемъ, я почти былъ уверенъ, что обсужденіе сіе добромъ не кончится. Были этикѣ зловѣшіе признаки. Но куда дебатировались четыре первыя вариаціи птрафовъ,—иначе я не умѣю назвать характеръ обсужденія первыхъ четырехъ параграфовъ городского контракта, налагаемыхъ городомъ на вѣнополучнаго арендатора городского театра,—дѣло шло гладко. Гласные соперничали другъ съ другомъ въ изобрѣтательности казуистическихъ «новодовъ» и «причинъ», дающихъ право заклания театральной комиссіи г. Бородая. Всѣ старались: были обсужденія всевозможные подвохи со стороны контрагента и изобрѣтались способы имъ противостоянія; господа юристы даже углубились въ корень вещей и спорили слегка о «существѣ» правъ. Словомъ, все обстояло благополучно.

Но, когда предсѣдатель театральной комиссіи приступилъ къ чтенію текста 6-го параграфа, опредѣлявшаго условія пользованія хозяйственными статьями театра: буфетомъ, вѣшалкой и т. д., прибавилъ при этомъ, что г. Бородай подалъ заявление о томъ, что онъ усматриваетъ въ настоящей редакціи нѣкоторыхъ пунктовъ этого параграфа нарушение предъявленныхъ ему предварительно основныхъ условій контракта и согласиться на заключеніе его въ такомъ видѣ не можетъ. Я сразу понялъ, что собака зарыта именно здѣсь и обсужденіе первыхъ пяти параграфовъ было только интродукціей къ предстоящей симфоніи.

Дѣло съ формальной стороны представлялось въ такомъ видѣ: городъ, ограждая интересы публики, постановилъ взимать плату за храненіе верхняго платья при сдачѣ его, непосредственно капельдинеру. Г. Бородай усмотрѣлъ въ этомъ нарушеніе своихъ интересовъ и «почтительнѣе» просилъ городъ разрѣшить взимать этотъ сборъ въ театральной кассѣ. Несмотря на то, что предсѣдатель театральной комиссіи доложилъ думѣ просьбу г. Бородая представить предъ очи ближайшаго собранія и подробно мотивировать свое несогласіе съ настоящей редакціей 6-го параграфа, собраніе сошло это излишнимъ и представительство г. Бородая было отклонено. Дума рѣшила, что она лучше сумѣть сохранить интересъ г. Бородая, чѣмъ онъ самъ, и постановила обсуждать и этогъ параграфа безъ его участія.

Не чувствуя себя въ силахъ передать послѣдовавшія за тѣмъ думскія пренія во всей ихъ картиности, я ограничусь указаниемъ, что центральнымъ пунктомъ состоянія ораторовъ было указаніе на то обстоятельство, что способъ взиманія платы за храненіе платья въ театральной кассѣ неизбѣжно приведетъ къ двойному налогу на публику, которая де, какъ это теперь практикуется въ театрѣ г. Соловцова, будетъ платить и въ кассѣ и при вѣшалкѣ. Резонъ несомнѣнны. Зачѣмъ публика будетъ платить антрепренеру постоянно налогъ за храненіе платья, когда, она, какъ, напр., лѣтомъ является въ театрѣ безъ платья, т. е. безъ верхняго, разумѣется?. «Или антрепренеръ сниметъ съ меня и сюртуки? — ехидно спрашивается гласный Яронъ.

Возраженія на эти, повидимому, резонные доводы были слабы и сантиментальны. Очевидно, сторонники г. Бородая были менѣе подготовлены къ такому обороту дѣла и, что па-

ТЕАТРЪ «ФАРСЪ».

Сцены изъ фарса «М-те Коралли». (Рис. А. Любимова)

зывается, спасовали. Оставалось выслушать вороженія самого г. Бородая. Дума обязана была это сдѣлать. Весь смыслъ договора заключался въ взаимно-выгодномъ разрѣшениі спорныхъ вопросовъ. Но г. городской голова рѣшилъ иначе. Онъ совершенно неожиданно устраиваетъ голосованіе, самъ вотириуетъ за компромиссъ съ Бородаемъ и остается въ меньшинствѣ... Большинствомъ одного голоса дума постановляетъ, — взимать плату за храненіе верхняго платья при вѣшалкахъ.

Призываютъ г. Бородая для объявленія ему приговора. Г. Бородай, очевидно, сбитый съ толку столь неожиданнымъ поворотомъ дѣла, страшно волнуется, лепечетъ что-то вродѣ благодарности за оказанную ему честь и въ концѣ концовъ категорически заявляетъ: «Не могу-съ!..» Поднимается неописуемый гвалтъ, заливаясь дребезжитъ колокольчикъ головы, и дума переходитъ къ очереднымъ дѣламъ.

Второй актъ «комедіи о сдачѣ въ аренду кіевскаго городскаго театра» кончился. Наступилъ антрактъ, попробуемъ разобраться въ впечатлѣніяхъ. Близкайшей причиной преждевременной гибели городскаго контракта была неспособность г. Сольскаго руководить преніями. Его поспѣшная немотивированная баллотировка односторонне освѣщенія вопроса, давшая случайное и для него самого нежелательное рѣшеніе, какъ нельзя лучше это доказываетъ. Отказъ думы выслушать мнѣніе г. Бородая, это грубое нарушеніе его права, какъ договаривающейся стороны. Вѣдь, каковы ни были-бы доводы г. Бородая, дума должна была принять ихъ въ соображеніе, а затѣмъ за ней всегда оставалось право согласиться съ ними или ихъ отвергнуть. Но вызывать человѣка за тысячи верстъ только для того, чтобы въ грубой, не имѣющей себѣ оправданія формѣ, вынудить у него отказъ отъ аренды, произвольнымъ измѣненіемъ условій, раньше предложенныхъ, этому нѣтъ приличного названія. Быть можетъ, подобная операциія вполнѣ въ нравахъ и обычаяхъ, наполняющихъ кіевскую думу дѣльцовъ, но врядъ ли ону допустимы въ общественной дѣятельности общественнаго учрежденія.

Г. Бородай, поставленный въ болѣе нормальныя условія, легко могъ-бы опровергнуть картины «灵感аціи». г. Ярона и компаний. Онъ могъ-бы сказать: «господа, о чемъ собственно вы хлопочите? О томъ, чтобы публикѣ не пришлося два раза платить за храненіе платья? Но вѣдь двойное взиманіе платы не есть нѣчто фатально связанное съ взиманіемъ ея въ театральной кассѣ, это просто безпорядокъ внутренняго управліенія, допускаемый въ частныхъ театрахъ, п. ч. онъ выгоденъ антрепренеру или собственнику театральнаго зданія, берущаго въ кассѣ за храненіе платья и сдающаго вѣшалки въ аренду... Другое дѣло театръ городской, здѣсь нѣтъ простору антрепренерской изобрѣтательности, а разъ прислуга будетъ получать определенное жалованье, то всякая попытка съ ея стороны на полученіе съ публики бенефиций должна рассматриваться какъ проступокъ по службѣ, за который, смотря по обстоятельствамъ, можетъ послѣдовать немедленное

удаленіе токового служащаго изъ театра. Это вопросъ дисциплины театральной прислуги, и только.

Но изъ того, что съ публики можетъ быть потребованъ лишний гривенникъ, вовсе не вытекаетъ необходимость наѣтное лишать меня сотенъ рублей дохода, принадлежащаго мнѣ; то праву, произвольно уступая его въ пользу третьихъ лицъ, неимѣющихъ къ городу никакого отношенія»... Вотъ что, и еще многое другое могъ-бы сказать г. Бородай, если бы имѣлъ дѣло съ собраніемъ людей болѣе благовоспитанныхъ, привыкшихъ съ большимъ уваженіемъ относиться къ чужому мнѣнію и интересу и неослѣпленныхъ собственнымъ величіемъ до потери сознанія окружющей дѣйствительности. И кто знаетъ — голосъ большинства, давшій торжество рѣшенію, противному интересамъ г. Бородая, поколебался-бы, если бы не перешелъ рѣшительно на сторону послѣдняго. Я-бы поступилъ такъ непремѣнно; ужъ за одно то, что Бородай безстрашно идетъ на всѣ безчисленные штрафы городского контракта, относительно которого одинъ впечатлителійный гласный справедливо воскликнулъ: «это, господа, не контрактъ, а какое-то уголовное законодательство»!

Но, можетъ быть, г. Бородай слѣдуетъ видѣть въ этомъ перстъ благожелательнаго Провидѣнія, избавившаго его отъ тяжкаго и неудобоносимаго бремени...

Н. Николаевъ.

„Все въ прошломъ“.

На старости я сызнова живу;
Минувшее проходитъ предо мною...

А. Пушкинъ.

Иа одной изъ выставокъ я долго простоялъ передъ картиной В. М. Максимова, подписанной: «Все въ прошломъ». У крыльца небольшой усадьбы, за чайнымъ столомъ, въ теплый лѣтній день, сидятъ двѣ ставушки. Въ большомъ покойномъ креслѣ, съ подушками за спиной и подъ ногами — словно заснула барыня въ старомодномъ чепцѣ и старинномъ нарядномъ платьѣ. У ногъ ея дремлетъ старый песь, уткнувъ голову въ лапы. По другой сторонѣ стола, на ступенькахъ крылечка, сидѣтъ старуха — прислуга съ вязаньемъ въ рукахъ... Въ перспективѣ видимъ старый барскій домъ съ колоннами, съ балкономъ, но съ забитыми окнами, и со слѣдами разрушенія кругомъ... Въ воображеніи встаютъ картины прошлаго: домъ наполняется жизнью, окна раскрыты, а изъ нихъ несетъся шумъ суетливой барской жизни; звонкій, веселый смѣхъ раздается съ балкона, гдѣ въ рамкѣ плюща, обвивающаго домъ, сидѣтъ красивая дѣвушка, цвѣтущая юной прелестью; ея смѣющіеся глаза полны выраженія радости и застѣничности; щечки горятъ яркимъ румянцемъ. Плутоватая, тоже молоденка горничная-наперсница что-то тихо говорить барышнѣ, указывая на садъ, а въ глубинѣ аллеи быстро идѣтъ, звяня саблей, мо-

лодой красавецъ гусарь... Такъ и кажется, что подобныя картины проходять передъ глазами этихъ двухъ старыхъ женищъ....

Я вспомнилъ эту картину и настроение, охватившее меня, когда я стоялъ передъ ней,— не сколько дней тому назадъ. Мне случалось попасть въ приютъ для престарѣлыхъ артистовъ, что на Петровскомъ островѣ... Живутъ тутъ люди, у которыхъ тоже все въ прошломъ... Здѣсь находятся артисты: Измайлова, Боброва, Чарская, Роставская-Ромашкова, двѣ сестры Александровы, Васильева-Гладкова, Качевская, Волкова, Карагина и артисты: Карапулова и Арсеньевъ-Джуковъ. И очень сожалѣю, что мнѣ не удалось въ это посѣщеніе хорошо познакомиться со всѣми почтѣнными обитателями приюта. Какъ много интереснаго можно услышать отъ каждого изъ нихъ. Какъ много воспоминаний, какое интересное прошлое!... Всѣ они—послѣдніе могикане блестящей поры русскаго драматическаго театра; всѣ они отдали лучшіе годы жизни на служеніе родному искусству, и имена ихъ найдутъ прочтѣніе мѣсто въ исторіи русскаго театра...

Мне удалось услышать не сколько отрывочныхъ воспоминаний г-жи Бобровой. Ей 92 года, по это живая, бодрая, симпатичная старушка, съ быстрой, торопливой рѣчью, прямо удивительной въ ея возрастѣ.

„Я вѣдь играла съ Мочаловымъ“,—говорить она, когда разговоръ зашелъ о предстоящемъ чествованіи памяти великаго артиста, — „до сихъ поръ помню это, хотя многое уже забываю и путаю... Это было такъ давно... Къ памъ, въ Калугу, прѣѣхала на гастроли Мочаловъ и, по усиленной просьбѣ антрепренера, согласился играть пьесу „Мочаловъ въ провинції“, написанную на него. Представьте себѣ, какъ это было интересно, когда самъ Мочаловъ изображалъ себя... И какъ сейчасть вижу его. Онъ, вѣдь, былъ небольшого роста, но широкоплечий, черный и сильный. Говорю сильный потому, что я играла съ нимъ въ „Соколѣ“ Пуйского. Онъ игралъ Пуйского. Въ сценѣ съ Фидлеромъ онъ бралъ его за спину и выбрасывалъ въ окно, чѣмъ, конечно, страшно поражалъ при своей небольшой фигурѣ. И откуда такая сила явилась въ немъ!? Какъ онъ игралъ—я передать не могу,—но только игралъ онъ необыкновенно сильно и страшно, — да, это было гени!!“

Въ четверть часа, которую я пробылъ въ приютѣ, я не могъ подробно ознакомиться съ богатыми воспоминаніями, которыми могли бы погрѣться, славныя своимъ прошлымъ, симпатичныя артистки и артисты. Въ близкайшемъ будущемъ я постараюсь исправить это и подѣллюсь всѣмъ, что услышу, съ читателями... Пока же долженъ сказать, что приютъ и въ настоящемъ своемъ видѣ производитъ впечатлѣніе семайного дома, а не багадѣльни. Повидимому, всѣ, въ немъ живущіе, чувствуютъ себя хорошо и спокойно. Въ недалекомъ будущемъ закончится постройка нового прекраснаго каменщаго дома для приюта, где условія жизни будутъ несравненно лучше и удобнѣе... Новый приютъ разсчитанъ на 40 человѣкъ.

Искренно желаю каждому изъ сценическихъ дѣятелей заглянуть въ приютъ и, познакомившись съ его обитателями, выпнести то же чувство благоговѣнія. Ихъ имена принадлежать уже исторіи театра, а они воинами передъ пами, — живые, еще полны интереса ко всему, что происходит на современной сценѣ... Нельзя не преклониться съуваженіемъ предъ этими живыми памятниками блестящей эпохи нашего театра, когда любили его страстью и искренно, когда о немъ писали, имъ волновались такие неизвѣтвенные, дорогие писатели, какъ В. Г. Бѣлинской и Добролюбовъ.

А. Ермаковъ.

Смерть актера Задонскаго.

(Окончаніе).

II.

Задонскій любилъ только себя—собственно свое тѣло—и во всѣ тридцать шесть лѣтъ ни разу не подумалъ о чужихъ страданіяхъ. Оттого, мало-по-малу, онъ полюбилъ свою болѣзнь...

Онъ полюбилъ эти хлопоты вокругъ него, лѣдь на головѣ, спрѣтый нехорошій воздухъ, мечты о выздоровлѣніи, разговоры про подпиську, про доктора, необычное время и качеству юды, „сквознякъ“ который былъ не причемъ и, главное, то сожалѣніе, которое онъ, Задонскій, конечно, во всѣхъ возбуждалъ... Онъ полюбилъ пугать Юшу своимъ положеніемъ и своей скорой смертью...

Вечеромъ, когда набѣгавшія и измученный хлопотами, Юша возился въ углу со своими цифрами (онъ не сколько лѣтъ подъ рядъ вычислялъ, кто и сколько ему долженъ, и всегда сидѣлъ безъ копейки), Задонскій принимался за свои штуки.

— Юшечка!

— Триста шестнадцать, сорокъ... Н-да!

— Минѣ очень нехорошо. Я, должно быть, буду сейчасть бредить.

— Да, что вы? Ничего общаго... Триста сорокъ восемь.

— Нѣть, я буду бредить, убѣжденно говорить Задонскій.

Несколько минутъ все тихо. Гдѣ-то скрипѣтъ не плотно прикрытая дверь. Юша подсчитываетъ пять сотню... Больной, видимо, уснула.

— Меня хотятъ убить, раздается вдругъ хриплый шопотъ. Минѣ не вѣрятъ... Отказываются отъ подписи? Луна, сыръ, чернильница... Сквознякъ, уходи отъ менѣ!.. Душить, душить!.. кровь!

Юша, спутавъ свои цифры, начинаетъ пугаться; ему кажется, что больной вдругъ вскочить и начнетъ его душить... Виѣ себѣ отъ ужаса, онъ уже помышляетъ о томъ, чтобы скрыться въ коридорѣ; и счастью, монологъ прекращается и минутъ чрезъ пять больной сиршиваетъ:

— Я бредилъ?

— Нѣть, отвѣчаетъ актерикъ, боясь разстроить товарища.

— Я бредилъ! упрямо повторяетъ тотъ.

— Не было слышно.

— Неправда, слышно!.. Задонскій начинаетъ сердиться: мнѣ казалось, мнѣ снилось, что кровь, что уже конецъ...

— Немногого про сквознякъ только, соглашается Юша.

— А луна, сыръ?.. Я все помню. Видишь, Юшечка, до чего дошла болѣзнь. Я бредилъ, я ничего не сознаю, я не сплю...

Часто по ночамъ Мѣшочекъ слышалъ какіе-то дикие, глухіе стоны и потомъ голосъ Задонскаго:

— Ты спиши, Юшечка, спиши? спиши?..

Окончательно проснувшись, актерикъ слышалъ:

— Минѣ снилось: что я въ могилѣ, что... Какъ называется этотъ вѣтеръ, что меня схватилъ?

— Сквознякъ.

— Да, сколько... взялся! Я чувствовалъ, какъ онъ заходилъ мнѣ въ кости, въ мозгъ.—Ты спиши? спиши? продолжаетъ шептать больной такимъ голосомъ, что въ сосѣдней комнатѣ кто-то начинаетъ громко проклинять день своего рождения.

Прошло нѣсколько дней и въ положеніи больного все-же произошло замѣтное улучшеніе. Пузырь со льдомъ почти исчезъ. Товарищи, одинъ высокій, рѣжій, незамѣтно стащившій со стола двугривенный, и другой, забитый, все думающій о ъдѣ, были два раза и потомъ перестали являться. Приходила какая-то актриса на великосвѣтскія роли, но она не давала Задонскому говорить, а сама трещала безъ умолку. Подписька тоже шла туго: Юша внесъ двадцать пять копѣекъ и „отъ неизвѣстнаго“ съ припискою „споткнувшемуся таланту“—5 рублей.

Такъ тянулись жаркіе, душные іюльскіе дни... Задонскій лежалъ съты, потный, жирный, съ маленькими покраснѣвшими глазками и думалъ все нехорошія, невеселыя думы. Скверно жить на свѣтѣ, скверно. Лежиши одинъ, всѣми брошеный, больной. Никто не интересуется, не спрашиваетъ, не заходитъ... Дверь гдѣ-то скрипѣтъ уже четвертая сутки подъ рядъ... Мухи воинъ засидѣли картину; вчера самоваръ подали нечищенный, съ угаромъ... Скверно, очень нехорошо. Гдѣ-то въ деревнѣ есть у него мать, глупая маленькая старушка. Не знаетъ она ничего, не вспоминаетъ...

Отъ этого неожиданно всплывшаго воспоминанія актеру дѣлается невыразимо грустно и тѣгостно... Онъ высвобождается уголь простыни и утираетъ имъ слезы.

Вотъ позвонили. Не къ нему ли? Слышны шаги, ближе. Толстый, видно, ходить. Не Емельянъ ли Андреевичъ? Или Пичужкинъ. Да, да, Пичужкинъ. Но шаги удаляются. Прошелъ мимо. Задонскій тоскливо смотрѣтъ на картину, засиженную мухами, и думаетъ о старости и о смерти. Онъ вспоминаетъ рыжаго, высокаго актера и сердится. „Экая скотина, стащилъ двугривенный, каналья! Товарищъ умираетъ, а онъ двугривенный тащитъ. Подлость, подлость!..“

Задонскому дѣлается тогда до нѣльзя обидно и горько, и на глазахъ выступаютъ слезы.

Никто ему не сочувствуетъ. Рыщутъ по городу, чортъ знаетъ гдѣ таскаются, а здѣсь артистъ умираетъ. Идолы! Пить хочется, пива.

Задонскій звонить, зоветъ горничную и посыаетъ за пивомъ.

— Скажи для больного! Они уже знаютъ, поясняетъ онъ и думаетъ: что они знаютъ?

— Хорошо,—отвѣчаетъ чухонка.

— Скажи, чтобы... они уже знаютъ. Ступай! не попадайся.

Когда приносятъ пиво, Задонскій, ни съ того, ни сего, вспоминаетъ про свою фамилію. Экая проклятая кличка — Келейко. Онъ выпиваетъ два стакана холоднаго пива. Ему становится сразу хуже, и что то ударяетъ въ голову. Что онъ надѣлалъ! Развѣ можно пить ему пиво?

Слезы показываются на его глазахъ и холодъ ужаса охватываетъ его. Поспѣшно сбросивъ одѣяло, онъ принимается растирать руку, грудь, затылокъ и животъ изо всѣхъ силъ. Потомъ, чувствуя, что согрѣлся, онъ накрываетъ одѣяломъ, вытягиваетъ ноги и лежитъ неподвижно. Съ улицы доносятся неясные звуки шумящаго живой жизнью города. Скрипѣтъ дверь... Отъ экипажнаго стука трясется рама и звенятъ стекла. Опять вспоминается украденный двугривенный, скверная фамилія... Двѣ мухи, какъ тогда на платформѣ, начинаютъ кружиться вокругъ глазъ, ушей и носа.

Задонскій встаетъ, на цыпочкахъ подкрадывается къ ведру со льдомъ, и торопясь, проглатываетъ нѣсколько кусковъ.

Вечеромъ Задонскій рассказывалъ:

— Я почувствовалъ вдругъ, какъ вѣтеръ заходитъ мнѣ въ кости и въ мозгъ. Сквознякъ, сквоз... да! — прошепталъ больной, съ усилиемъ поднимая руку. Скверно мнѣ, худо. Память измѣняетъ начала. А докторъ сказалъ, что... что... чай выходѣ?..

Онъ сбивается и начинаетъ бормотать. Юша спокойно продолжаетъ подсчитывать свои цифры.

Больной лежитъ и тяжело дышитъ; отъ ввалившихся щекъ пышеть зловѣщимъ жаромъ; спутанные, всклокоченные волосы порѣдѣли и посѣдѣли; малень-

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

«Каролина Нейберъ», др. В. Карсина. (Смерть Нейберъ).

кие сонные больные глазки тупо смотрятъ на всѣхъ. Опять скрипѣтъ дверь и жужжатъ вокругъ ушей мухи... Скверно. Душно.

— Позвольте доказать, — шепчетъ для чего-то больной, и потому, сообразивъ, произносить:

— Юшечка!

— Да!

— Скверно... Бредъ... Жарь у меня. Охъ! Скверно... Юша, которому помѣщали въ его счетахъ, наконецъ, выходитъ изъ себя и рѣзко отвѣчаетъ:

— Скверно! Мнѣ скверно, а сами все поправляйтесь... Стыдъ!

Странное дѣло: Задонскій ничего не отвѣтилъ и часа три въ комнатѣ царilo тяжелое молчаніе. Думалъ ли онъ о новой своей обидѣ, или о старой матери, или о глупо прожитой жизни? Что-то жалкое, беспомощное, какая-то складка недоумѣнія появилась на лицѣ больного.

— Я ужъ такъ всегда, говорить Задонскій, съ трудомъ переводя дыханіе и чувствуя во всемъ тѣль страшную слабость: вотъ вы увидите... Я самъ до всего добился. Я никому ничѣмъ не обязанъ... своими собственными силами. Сарданапаль... произносить онъ вдругъ, и останавливается.

— Я бредиль? говорить онъ черезъ нѣсколько мгновеній. Юша... Миленький... Охъ...

Но Юша, кончивъ счеты, уткнулся носомъ въ стѣнкѣ дивана, и не отвѣчаетъ. Маленький ночникъ

горитъ желтымъ, отвратительнымъ пламенемъ. Съ трудомъ поднимается Задонскій, идетъ невѣрными дрожащими ногами къ ведру со льдомъ, падаетъ, встаетъ, снова идетъ, собираетъ ледь по кусочкамъ и глотаетъ ихъ съ грязью и приставшей солью и опилками.

Передъ смертью странныя мысли приходили ему въ голову. Опять вспоминался младшій братъ, умершій въ чахоткѣ, котораго онъ, забавляясь, билъ по щекамъ; всѣ двери, сколько ихъ ни было въ квартирѣ, скрипѣли безъ конца днемъ и ночью... Чудилось, что при отпѣваніи дьячекъ молится: Господи, помилуй раба Твоего Келейко, а Юша и — скій стоять и хохочутъ... Рыжій веснущатый актеръ суетъ руку за деньгами и шарить въ комодѣ, гдѣ грязное бѣлье... И всѣ видятъ, что у него дырявое скверное бѣлье, и осуждаютъ его... Одна маленькая сгорбленная старушка стоитъ одиноко въ сторонѣ, и онъ никакъ не можетъ вспомнить кто она...

Двѣ мухи, что жужжали на платформѣ, впиваются въ его глаза и проникаютъ въ мозгъ... И уже никакъ нельзя ихъ переманить на нѣмцевъ. Кто-то душить его... Большой паукъ спускается съ потолка все ниже и ниже, прямо въ ротъ...

— Я, кажется, бредилъ? скво... скоз... хочетъ кто-то сказать за него внутри, но уже настаетъ темнота и холода...

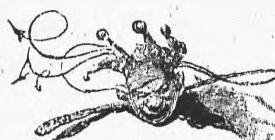
Юшѣ снилось, что высокій, мускулистый офицеръ, котораго онъ очень боится, стоитъ передъ нимъ и рѣзко говоритъ:

— Вы оскорбили честь полка: наступили мнѣ на мозоль. Дуэль! Дуэль!..

Онъ проснулся. Свѣтало. Было такое впечатлѣніе, какъ будто изъ комнаты что-то вынесли, и она странно опустѣла... Мѣшочекъ посмотрѣлъ въ уголъ, гдѣ лежалъ Задонскій, и увидѣлъ, что большой бурый паукъ ползаетъ по его глазу, и рѣчицы не двигаются... Тогда Юша понялъ, что случилось, что напрасно онъ не вѣрилъ Задонскому. У Юши стучали зубы. Онъ натягивалъ сапоги, попадая правой ногой въ лѣвый сапогъ, и безмысленно шепталъ:

— Сто... сквознякъ... ско... взякъ!..

Осипъ Дымовъ.

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Прага. Спѣшу сообщить объ огромномъ успѣхѣ, которыемъ пользуется въ Национальномъ театрѣ «Власть тьмы» гр. Л. Н. Толстого, которую въ первый разъ играли въ пятницу 13 (26) октября. Впечатлѣніе, произведенное драмой Толстого на публику — потрясающее, и такого оживленного вечера давно не помнятъ наши театры. Исполнителями были: г-жа Лаудова въ роли Анисы, очень хороша, особенно въ III. и V. дѣйствіи; г. Шмага въ роли мужика Петра, типично загримированный, съ большимъ чувствомъ игралъ г. Воянъ Никути. Г-жа Данцерова (въ роли Матрены), г-жа Гибнерова (Акулина) и г-жа Гильбергова (Анютка) создали художественные образы, особенно г-жа Гибнерова, игравшая Акулину съ такимъ тонкимъ искусствомъ, что привела публику въ восторгъ. «Власть тьмы» хотѣли поставить еще 20 лѣтъ назадъ, но тогда ее запретилъ «интенданть» театра, а только теперь удалось получить разрѣшеніе. Изъ русскихъ пьесъ пойдетъ въ Национальномъ театрѣ еще А. П. Чехова «Дядя Ваня», — готовится на ноябрь или декабрь. Вообще, пьесы А. П. Чехова играютъ теперь съ большимъ усердіемъ, «Чайку» играютъ на многихъ провинциальныхъ сценахъ «Дядю

Ваню» будутъ играть въ городскомъ театрѣ въ Пильзенѣ, «Ивановъ» вѣроятно пойдетъ на сценѣ театра въ г. Млада Волеславъ. Пьесу Дельера «Преступленіе и наказаніе» принялъ уже театръ барона Шварца. Пьеса пойдетъ, вѣроятно, сейчасъ послѣ Нового года. Въ городскомъ театрѣ въ Пильзенѣ пойдетъ, вѣроятно, еще пьеса Нотовича «Похожденія М-ра Пиквица» и «Непогрѣшімый Невѣжина».

Чешская музыка потеряла одного изъ лучшихъ композиторовъ г. Рихарда Фибиса, оперы котораго пользовались у насъ большой симпатіей. Послѣдняго его опера «Рад Аркону» только что готовилась на сценѣ Национального театра. Фибисъ былъ очень талантливый и своеобразный композиторъ. Онъ скончался въ полномъ разцвѣтѣ физическихъ и душевныхъ силъ.

Учрежденіе чешскаго театра въ Прагѣ близится къ осуществлѣнію. Собираются уже акціонеры, которые думаютъ не позже, какъ весной 1901 года, начать постройку зданія для большого народнаго театра. Городъ Прага дасть даромъ мѣсто для театра, въ серединѣ городскаго сада. Говорятъ, что бывшая дирекція Национального театра намѣренна вложить свой капиталъ (около 70,000 руб.) въ этотъ проектъ.

Dr. Bor. Prusik.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

ОДЕССА. Наконецъ-то въ Городскомъ театрѣ началась энергическая работа. Н. Н. Соловцовъ, которому городъ сдалъ театръ безъ конкурса, рѣшилъ сломить равнодушіе одесской публики, встрѣтившее его на первыхъ порахъ его антрепренерской дѣятельности. Мѣстныя газеты, работавшіе предъ новымъ антрепренеромъ, объясняютъ материальныи неуспѣхъ драмы некультурностью одессовитовъ и полнымъ отсутствиемъ любви ихъ къ отечественной драмѣ. Но едва ли это такъ. Во всякомъ случаѣ мы вѣримъ въ антрепренерскій талантъ г. Соловцова, въ его опытъ, въ знаніе дѣла, которому онъ посвятилъ свои силы, и думаемъ, что равнодушіе публики не охладитъ его, а, напротивъ, вызоветъ съ его стороны усиленные труды. Трудиться есть надѣя чѣмъ, и о многомъ надо позаботиться. Большая затраты но обстановку, сдѣланную г. Соловцовыми, усиленная подготовительные работы, приглашеніе еще одного опытнаго режиссера г. Шмиттова — все это подтверждаетъ, что борьба съ равнодушіемъ публики будетъ вестись соревно.

Постановка всей «трилогіи» А. К. Толстого въ послѣдовательномъ ея порядкѣ, несомнѣнно, является крупнымъ событиемъ въ нашей театральной жизни. Трилогія шла 3-го, 4-го и 5-го Октября. Первая часть трилогіи «Смерть Иоанна Грознаго» прошла при полномъ сборѣ. Роль Иоанна исполнилъ г. Соловцовъ. Хотя артисту въ нѣкоторыхъ мѣстахъ недостаетъ темперамента, экспрессіи и глубокаго драматизма, но зато нѣкоторыи частности хорошо и детально отѣлѣано. Удачнѣйшими мѣстами въ его исполненіи можно считать сцену отреченія, сцену въ покояхъ царицы и сцену смерти. Изъ другихъ исполнителей отмѣтилъ г. Недѣлина въ роли польскаго послы. Роль проведена имъ очень хорошо. Г. Скуратову въ роли Ивана Васильевича Шуйскаго мѣшалъ молодой, звучный голосъ его, находящійся въ полномъ несоответствии со старческой наружностью изображаемаго лица. Слѣдующимъ спектаклемъ шла вторая часть трилогіи «Царь Федоръ Иоанновичъ», ст. г. Багровымъ въ заглавной роли. Пьеса эта не представляетъ интереса новизны для одессовитовъ, такъ какъ они хорошо съ ней знакомы по постановкѣ ея гастролировавшей здѣсь петербургской труппой, съ г. Орленевымъ во главѣ. Гѣмъ не менѣе, театръ былъ почти полонъ. Исполненіе этой роли г. Багровымъ нельзя считать вполнѣ удачнымъ. Артистъ не въ силахъ передать всѣ разнообразныи проявленія характера царя Федора. Такъ, артистъ охарактеризовалъ его физическую немощь, его умственную слабость, но на всемъ протяженіи этой роли не замѣтно ни одного момента, гдѣ Федоръ-Багровъ проявлялъ бы царское величие его души, его благостность. Впрочемъ, fecit, quod potuit.

Самой трудной частью трилогіи для исполнителей оказалась послѣдняя. «Царь Борисъ» не представляетъ законченной, цѣлой драмы, скрѣе, это рядъ драматическихъ сценъ. Главный герой — Борисъ Годуновъ не очерченъ такими яркими штрихами, какъ Иоаннъ и Федоръ. Г. Шуваловъ, исполнявшій

въ всей «трилогії» роль Бориса, провелъ ее очень хорошо. Пьеса прошла со стройнымъ ансамблемъ. Хорошъ бытъ г. Недѣлинъ въ небольшой но характерной роли Сапѣги. Г-жа Инсарова и г. Смоляковъ хорошо сыграли роли дѣтей Годунова. Наилучшей сценой въ ихъ исполненіи была сцена съ Христіаномъ, когда они заключаютъ между собою «вѣчный союзъ», сцена прошла, что называется, безъ сучка и задоринки. Слаба г-жа Корсакова въ роли Мары. Вся «трилогія» обставлена роскошно. Декорации, костюмы, аксессуары слѣланы новые и исторически вѣрны. Народные сцены проходята чрезвычайно жизненно. Послѣ сцены на берегу Язы г. Соловцова вызывали много разъ и наградили единодушными аплодисментами.

С. В.-скій.

РОСТОВЪ на ДОНУ. 24 сентября начались оперные спектакли въ Астраханскомъ театре. Репертуаръ — эклектическій. Верли и Чайковский, Меерберъ и Рубинштейнъ, Глинка и Римскій-Корсаковъ, а in spe — Вагнеръ. Составъ труппы также эклектическій: опытные исполнители наряду съ только начавшими свою артистическую карьеру, изъ которыхъ нѣкоторые доморощенные таланты, ученики и ученицы мѣстного «маэстро» Е. К. Ряднова. Г-жа Сушкова-Бѣлоусова — хорошая исполнительница въ вокальномъ и сценическомъ отношеніяхъ; много вкуса и изящества эта пѣвица вносить въ каждую исполненную ею партію. Г-жа Брунь — рѣдкое совмѣщеніе свѣжести и полной обработки голоса съ музыкальностью и сценическимъ дарованіемъ. Г-жа Селюкъ-Розновская средняя величина во всѣхъ отношеніяхъ. Г-жа Кравецъ полезная артистка, но, къ сожалѣнію, иногда берется за партіи, немного низкія для ея голоса (напримѣръ, княгини въ «Русалкѣ»). Г-жа Каренина звучное центрально, еще не тронутое, благородная вѣщность, но видна неопытность и не всегда безусловнѣнная интонація. Г-жа Никитская — недурная вокальная средства, но не достаетъ задушевности исполненія, необходимой для лирическихъ партій; впрочемъ, эта пѣвица изъ начинаяющихъ, и не имѣетъ сценического опыта. Послѣднія не достаетъ и г-жѣ Голинкиной, обладающей хорошимъ голосомъ. Г. Агулинъ рѣдкій типъ артистического разводенія; то онъ пѣвецъ со вкусомъ, съ мягкимъ тембромъ голоса и особой задушевностью, то какой-то робкій, неувѣренный въ себѣ новичекъ. Очень жаль, такъ какъ г. Агулинъ поетъ (въ минуты увѣренности въ себѣ) чисто и красиво. Г. Трубинъ красивый и довольно высокій basso-cantante; опытный исполнитель въ сценическомъ отношеніи; иногда несовсѣмъ твердо знаетъ нотный текстъ, что является главнымъ пѣгномъ. Отличное впечатлѣніе оставляетъ въ вокальномъ и сценическомъ отношеніи г. Сангурскій. Начинаящий свою сценическую карьеру г. Полуяновъ поетъ съ большими чувствами; замѣтна нѣкоторая неопытность. Г. Сокольскій обладаетъ баритономъ, звучащимъ вполнѣ хорошо въ верхнемъ регистрѣ но нѣсколько тусклою срединой. Тепло и со вкусомъ поетъ г. Михайловъ. Стоянъ, но хорошъ только въ тѣхъ партіяхъ, где не требуется голоса.

Что касается хора и оркестра, то въ началѣ сезона замѣчались разногласія, но теперь все уложено. Сборы средніе, и можно надѣяться, что г. Салтыковъ, если не возьметъ большой прибыли, то, во всякомъ случаѣ, не будетъ имѣть дефицита, тѣмъ болѣе, что на его счастье ростовская публика, если не считать пустующаго скверненькаго цирка-балагана какого-то Злобина и расчитанаго особымъ контингентомъ публики увеселительнаго сада «Пале-де-Кристаль», имѣть единственное развлеченіе оперу. Конечно, драма въ Нахичеванѣ могла бы привлечь и ростовскую публику, если бы во глаѣвѣ ея стояли опытны лица. Я уже писалъ о краѣхъ Аничковской сезона, начавшійся «Безъ вины виноватыми», закончился; въ результатѣ — безъ вины выноватые актеры и актрисы, которыхъ снова собралъ воедино Е. А. Бѣляевъ и, заручившись расположениемъ городской думы и мѣстной печати, открылъ «бѣляевскій» періодъ нахичеванской театральной исторіи. Театръ сланъ бесплатно до конца сезона; расходы по освѣщенію, отопленію и найму рабочихъ приняты городомъ за свой счетъ; всѣ арендныя статьи, кромѣ буфета, отданы тому же Бѣляеву. Новый сезонъ, второй по счету, открылся «Грозой», встрѣченной ходно публикой и восторженно мѣстной печатью, рекламирующей нового антрепренера urbi et orbi. Далѣе слѣдовала драма «Въ новой семѣѣ», показавшая публикѣ, что на сценѣ не «новая семья» талантливыхъ исполнителей, а старая труппа, неимѣвшая успѣха.

Юбилей А. К. Толстого вспомнила только мѣстная печать. Забыто о немъ и мѣстное артистическое общество, у которого всегда хромалъ театральный отдѣлъ.

С. Ч.

САРАТОВЪ. Поставлены двѣ новинки: «Преступленіе и наказаніе» и «Буреломъ». Первая пьеса прошла уже четыре раза, «Буреломъ» — два раза. Передѣлка романа Достоевскаго, собственно, уже знакома нашей публикѣ по гастролямъ г. Орленева, но тогда, лѣтомъ, она вилась въ неприглядномъ видѣ; за исключеніемъ г. Орленева и, главнымъ образомъ г. К. Яковleva, никто изъ исполнителей не понравился. Теперь, на сценѣ городскаго театра пьеса идетъ, тѣльѣ сказать, концертно. Если г. Судьбининъ въ Порфирии Петровичѣ

уступаетъ г. Яковлеву, то все же не заслуживаетъ серьезной укоризны: Яковлевъ превосходенъ, и Судьбининъ хороши. Зато все остальное прекрасно, а у забѣжей труппы было плохо. Г. Терехова, Агарева, Петипа и Смирновъ создаютъ живые образы Сони, Дуни, Свидригайлова и Разумихина. Нѣсколько ниже достоинствомъ вышла игра г. Неронова въ Мармеладовъ. Наконецъ, г. Михайловичъ-Дольскій въ Раскольниковѣ даетъ цѣльную фигуру. Тонъ болѣе выдержаный и нѣтъ той склонности къ эффектнымъ переходамъ отъ шопота къ крику и обратно, какую проявилъ передъ нами г. Орленевъ. Вообще, пьеса идетъ такъ, что г. Дельтеръ могъ бы пожелать ей вѣздѣ и всегда «саратовскаго» успѣха.

Нельзя того же сказать объ исполнении другой новинки — «Бурелома». Г. Федоровъ, напротивъ, вправѣ бы огорчиться саратовской постановкой. Потому-ли, что артисты утомились разучиваниемъ новыхъ ролей, или оттого, что не сочили нужнымъ отнести къ «Бурелому» съ должнымъ вниманіемъ, а фактъ на лицо: играли довольно вяло и сильно подъ суплера. Я говорю о первомъ представлѣніи, второго не видѣлъ. О недостаткѣ вниманія сльдуетъ пожалѣть. Въ «Буреломѣ» есть много промаховъ, замѣтна сценическая неопытность автора, но все-таки пьеса несомнѣнно интересна. Если хвалить, то приходится только за гримы: типичное лицо сдѣлали себѣ гг. Петипа (Гумазовъ), Наумовскій (Киевейнъ), Неждановъ (Мамоновъ), Соловьевъ 2-й (Песковъ). Не сомнѣваюсь, что всѣ эти артисты, какъ и нѣкоторые другие, могли бы сдѣлать изъ «Бурелома» вещь жизненную и совсѣмъ не пустяковинную; цѣлесъ г. Федорова этого заслуживаетъ. Одна г-жа Миронова не затягивала темпа. Она хорошо сыграла Нильскую, хоть и можно бы кое-чего пожелать...

Первое представлѣніе «Бурелома» было бенефисомъ г-жи Мироновой. Серія «именинъ» началась съ г. Мих.-Дольскаго, который поставилъ «Ложу» г-жи Дубельть. Затѣмъ отпраздновалъ «именины» г. Робертъ Адельгеймъ и, конечно, вѣшью героической — «Киномъ», съ прибавкою двухъ водевилей. Всѣ три праздника прошли, какъ подобаетъ, шумно и весело: были вѣнки, цветы и цвѣтные билетики съ привѣтствіями.

Матеріальный успѣхъ товарищества очень хороший, а въ дальнѣйшемъ, когда дождливый сезонъ уступить мѣсто зимнему, будетъ еще лучше. Но какая сумма придется на долю каждого товарища — это вопросъ другой. Ужъ очень велики расходы.

На днѣхъ впервые сгавится «Накипь» П. Д. Боборыкина. Какъ пройдетъ пьеса — не замедлю сообщить. Къ сожалѣнію, къ сорокалѣтію почтенного писателя, кажется, отнесутся безучастно.

Постоянный.

ВЛАДИКАВКАЗЪ. Своды выдержали, грузъ въ пятьсотъ пудовъ снятъ, обвала «больше» не будетъ, комиссія удалилась. Архитекторъ г. Грозянъ можетъ съ спокойнѣй совѣтствомъ сказать, что если-бы не его заботливость, то ремонтъ театра окончился бы «не позднѣе» великаго поста.

Итакъ, 1-го октября открыты двери городского театра. Для открытія была поставлена драма «Свѣтить, да не грѣть», въ заключеніе: «Школьная пара». Пьеса была разыграна гладко и съ ансамблемъ, водевиль прошелъ при непрерывномъ хохотѣ. Труппа, очевидно, понравилась. Театръ былъ переполненъ мѣстной интеллигенцией, понадобились приставныя мѣста. Нельзя обойти молчаниемъ оркестръ Терского полка, который, подъ управлѣніемъ г. Колчина, идетъ замѣчательно стойко. Театръ, многіе годы представлявшій авгіевы конюшни, благодаря энергіи и средствамъ антрепренерши г. Аничковой-Ивановой вычищенъ, выкрашенъ и произведенъ пріятное впечатлѣніе. Составъ труппы: А. А. Кускова — героиня и грандъ-кохетъ; В. О. Иванова — драматическая; В. Л. Казина — драматическая энжено; Н. И. Булычевцева — драм. и комич. старуха; А. Ф. Попова — комич. энжено и водевильная съ пѣніемъ; Е. Ф. Лазарева — грандъ-дама; В. П. Пахалова, З. М. Сафонова — энжено: М. С. Марченко — бытовая роли; М. А. Чернявская, М. В. Богданова — 2-я роли. Мужской персоналъ: А. Н. Правдинъ — герой-любовникъ; Н. А. Вронскій — фать-любовникъ; А. Д. Лавровъ-Орловскій — резонеръ; А. Л. Печоринъ-Цандеръ — комикъ-буффъ; Н. И. Померанцевъ — комикъ-резонеръ; С. А. Алексинъ — любовникъ-простакъ; В. П. Полторацкий — простакъ; К. Ф. Бергъ — 2-й комикъ; Н. Ф. Оксогорскій, Г. С. Пушкиревъ — 2-я роли. Режиссеры: гг. А. Д. Лавровъ-Орловскій, Н. И. Померанцевъ, В. Ф. Аничкова-Иванова; помощникъ режиссера — М. Я. Поповъ; суплерь — Ф. П. Петровъ; декораторъ-художникъ — Н. И. Григорьевъ; реквизиторъ и бутафоръ — Г. Менабени. У любителей «выборы» ажитаций, волненія и проч. и проч. На-днѣхъ у нихъ шла комедія «Денежные тузы». Надо отдать справедливость гг. любителямъ, что у нихъ любовь къ искусству выражается не въ усиленной конкуренціи и въ дни спектаклей труппы они своихъ спектаклей не ставятъ.

Азъ.

КОСТРОМА. 29 сентября открылся сезонъ нашего театра. Первымъ спектаклемъ шла «Казнь», вторымъ — «Бѣшеные деньги», затѣмъ «Цыганка Занда», «Девятый валъ» и «Заза» г-жа Токарева, выступившая въ роли Кеть, не дала типа кафе-шантанной пѣвицы. Артистка весь вечеръ «играла».

Роль Луиной («Девятый валъ») нельзя считать также удач-

ной въ репертуарѣ артистки. Роль Глушарина («Казнь»), исполнялъ г. Тихановъ. Нѣтвѣрдое знаніе роли, излишняя позировка въ драматическихъ мѣстахъ, вотъ недостатки его исполненія. Роль Телятева г. Тихановъ провелъ довольно вѣрно. Въ «Цыганкѣ Зандѣ» незначительная роль отца въ исполненіи артиста вышла совершенно беззѣбѣтной. Въ «Девятомъ валѣ» роль Збруева проведена г. Тихановыемъ ровно, но роль очень незначительна.

Сокольскій оченъ слабый актеръ. Въ роли Викентія Львовича онъ былъ похожъ на разбитаго параличевъ. Г. Мартыновъ, исполнявшій роль Годды, произвелъ сильное впечатлѣніе на публику. Роль велъ горячо; голосъ его звучалъ нѣжно. Роли Іонеля («Цыганка Занда») и Ступина («Девятый валъ») артистъ игралъ небрежно. Г. Новиковъ опытный артистъ. Нельзі не упрекнуть его въ излишней утилизации грима. Фроловъ («Казнь»), Кучумовъ («Бѣщенія деньги»), вышелъ очень живымъ въ исполненіи артиста.

Мнѣ хотѣлось бы остановиться подольше на исполненіи г. Абрамовыемъ роли Байкова («Девятый валъ»). Рѣдко мнѣ приходилося видѣть такое исполненіе на провинціальныхъ сценахъ. Осмысленная игра, обдуманные движения, жесты... Съ первого же выхода артиста, зритель увидѣлъ добрая, слабаго человѣка. Я видѣла его духовный міръ, видѣла его мыки. Сколько простой, неподдельной искренности вложилъ артистъ въ исполненіе этой роли!

Г-жа Бирканова, исполнившая роль Раечки («Девятый валъ»), артистка средней руки. Играетъ довольно просто, ансамбль не портить, и только. Для г-жи Назимовой была поставлена «Заза». Красивая вѣнчаность, дорогіе наряды, вѣтъ, если хотите, краткія характеристики артистки. Роль Заза артистка играла неправильно. Въ ея толкованіи, любовь Заза къ Дюфрену была лишь капризомъ. Въ первомъ актѣ артистка была лучше. Здѣсь имѣтъ надобности въ первомъ польскомъ, а потому артистка ведетъ первый актъ легко. Но зато въ послѣдующихъ актахъ она далека отъ той Зазы, которую хотѣли изобразить авторы пьесы. Возьму для примѣра 2-й актъ, сцену съ Симонъ («Ребенокъ? У тебя будетъ ребенокъ? и ты по-этому плачешь?.. Такое счастье? Ахъ, если-бы я была на ся мѣстѣ... Ребенокъ?..») Артистка эту сцену вела съ какой-то дѣтской наивностью. Пойду дальше. Сцены того-же дѣйствія съ Каскаромъ. Она также растаяла въ общемъ легкомъ тонѣ. Роль Заза требуетъ много темперамента, а это то и нѣтъ у г-жи Назимовой. Хотя въ зрительномъ залѣ очень усердно хлопали и вызывали артистку, но мы знаемъ цѣну аплодисментовъ, да еще провинціальной публики. Исполненіе артисткой роли Лидіи («Бѣщенія деньги») было недурно.

Объ остальныхъ артистахъ не стоитъ распространяться. Скажу развеѣ нѣсколько словъ о Савельевѣ. Недуренъ онъ былъ въ «Бѣщеніяхъ денегахъ» играя слугу Василькова. Въ зодевиляхъ онъ, видимо, рассчитывалъ на дешевый эффектъ.

КОЗЛОВЪ. Сезонъ открылся 24 сентября «Женитьбой Бѣлугина». До сихъ поръ труппа ведетъ еще старый заигранный репертуаръ, а потому и сборы въ общемъ около 200 руб. на кругъ. Изъ артистовъ пользуются симпатіями публики г. Ленинъ, г-жа Кудрявцева, г. Бредовъ (только какъ салонный любовникъ) и г. Конычъ — серьезный комикъ. Пьесы ставятся довольно тщательно. Подробности до слѣдующей корреспонденціи.

B. Ч-на.

СМОЛЕНСКЪ. Въ Смоленскѣ закончились спектакли русско-малорусского товарищества подъ управлениемъ г. Суслова. Товарищество ставило на сценѣ благородного собрания русскія оперетки («Гейша», «Корневильские колокола», «Продавецъ птицы», «Новые цыганскіе романсы») малорусскія драмы и даже «сенсационные» фарсы. Публика охотно посѣщала спектакли и, въ общемъ, сборы были недурные. Въ особенности хорошие сборы дала «Гейша», поставленная 4 раза и «Новые цыганскіе романсы» (3 раза). Изъ артистовъ, большими успѣхомъ пользовалась г-жа Зарницкая — даровитая малорусская артистка, затѣмъ имѣли успѣхъ г-жа Чарновская и гг. Левицкій и Сусловъ. Изъ Смоленска товарищество отправилось въ Москву, где въ настоящее время даетъ спектакли въ театре «Акваріумъ». За исключеніемъ спектаклей въ театре народного дома, въ Смоленскѣ нѣтъ теперь никакихъ развлечений и скучающіе смоляне ждутъ, не заѣдетъ ли къ нимъ какая нибудь путешествующая по Россіи труппа. Залъ благородного собрания охотно отдается артистамъ. Т.

ПСКОВЪ. Зимніе спектакли въ валѣ Музыкъ. Драм. Общество начались 1-го октября. Прошли съ успѣхомъ: «Лѣсъ» «Не въ деньгахъ счастье», «Послѣдняя воля». Намѣченный репертуаръ: «Горнозаводникъ», «Клубъ холостяковъ», «Компанионы», «Демонъ» и др.

Составъ труппы: г-жи Генбачева (героиня), Корчагина (ingénieuse comique и водев., ст. пѣніемъ), Гравина (ing. драмат.), Озерова (grande-dame), Климовская (комич. и драм. старуха), Рамина (2-я старуха) и гг. Брагинъ (драм. герой), Александровскій (комич. и характ. реаціонеръ), Озеровъ (др. резон. и быст. роли), Яковлевъ Чумакъ (быт. роли), Генбачевъ-Долинъ (простакъ), Морской, Кукуевъ и Осокинъ (2-я роли). Режиссеръ труппы, служащей по контракту съ Драмат. общ. — В. В.

Александровскій, Осокинъ — его помощникъ, Муравлевъ — судья.

Спектакли ставятся и исполняются старательно, но сборы, пока, неудовлетворительные.

Изъ исполнителей выдѣлились успѣхомъ г-жи Генбачева, какъ героиня, Корчагина, молодая, съ юмористической жизнью исполнительница и Климовская, а изъ мужскаго персонала Александровскій, Брагинъ и Озеровъ.

На-дняхъ (21 октября) въ г. Псковѣ попытать счастья явилась труппа артистовъ подъ управлениемъ С. А. Трефилова (антреприза Ф. Г. Фаниной). Первый спектакль («Преступл. и Наказ.» по ром. Дост.) прошелъ, въ театрѣ, принадлежащемъ Качену, при неособенно успешномъ сборѣ. Положительно не-возможны были декорации. О. обенный успѣхъ выпалъ на долю г-жи Фаниной (Соня), Хмѣльницкаго (Раскольниковъ) и Трефилова. Труппа эта остается еще на одинъ спектакль («Буреломъ»).

Ф. П.

ХАРЬКОВЪ. Если отъ великаго до смѣшнаго одинъ шагъ, то отъ психопатизма нашихъ «театраловъ» до тупости и глупости еще меныше.

Выродженіе чуть ли не двухъ недѣль проявлялись грубия, неприличныя выходки по отношению къ новымъ артистамъ и артисткамъ. А между тѣмъ, труппа г-жи Дюковой въ этомъ сезонѣ и по качеству, и по количеству выше прошлогоднихъ. Всѣ работаютъ по мѣрѣ силъ, и «спортсмены» по части учиненія скандаловъ почувствовали наконецъ-то угрызеніе совѣсти...

Г-жа Юрьевъ роли въ «Цѣнѣ жизни», «Закатѣ», «Новомъ дѣлѣ», «Полусвѣтѣ» и др. правдиво задумала и хорошо разработала. Лучшая роль въ репертуарѣ г-жи Юрьевой — роль Кручаниновой въ «Уголкѣ Москвы». Желалъ бы я видѣть въ игрѣ г-жи Юрьевой столько же сердца, сколько въ ней ума. Роль Мерціи надо было отдать г-жѣ Дицировой, болѣе подходящей къ такъ называемымъ «святымъ» ролямъ, но, съ другой стороны, г-жѣ Дицировой въ роли Настасіи Филипповны слѣдуетъ чередоваться съ г-жей Юрьевой, которая и по темпераменту, и по вѣнчаности больше поясняетъ слова: «вотъ гдѣ королева!» и всѣ жертвы, на которыхъ готовъ Рогожинъ. Въ сотый разъ повторю, что г-жа Дицирова актриса даровитая, но, избалованная успѣхомъ у «верховъ», и далеко не всегда находится на высотѣ задачи.

Успѣхомъ начинаетъ пользоваться г. Добровольскій, какъ въ роляхъ любовниковъ («Полусвѣтѣ»), такъ и младыхъ фата («Дульчинъ, Жоржъ Градищевъ»). Большими подспорьемъ молодому артисту служатъ благодарная сценическая вѣнчаность и разработанный сильный голосъ. Вторичною исполнительницей Чацкій снискала единодушные аплодисменты среди акта, послѣ монологовъ: «А суды кто?.. «Не образумлюсь...» Въ минусѣ г. Добровольскому поставили однообразный гримъ и нѣкоторую monotонность («Ошибки молодости»). Г. Петровскій — прескрасный характерный артистъ, большой художникъ въ смыслѣ освѣщенія ролей и грима. Г. Людвиговъ уступаетъ нѣкоторымъ своимъ ролямъ совершенію напрасно. Таковы роли Нерона, Рогожина и друг. Неронъ исторически не вѣренъ въ исполненіи г. Петровскаго, а для Рогожина у г. Лепковскаго чувствуется недостатокъ въ голосовыхъ средствахъ. По этой же причинѣ и «Маркъ» не совсѣмъ удовлетворяетъ меня. Въ другихъ роляхъ, русскихъ, бытовыхъ въ особенности, г. Ленківскій прекрасенъ. Большимъ успѣхомъ пользуется г. Глюскѣ-Добровольскій. Его генераль Иволгинъ-шедевръ. Г. Діевскій долженъ еще много работать, чтобы сдѣлать чтонибудь изъ Карандышиева, Морского, Вово и др. Г-ну Бѣжину не совсѣмъ вѣзвать въ этомъ сезонѣ, и репертуаръ для него сложился неудачно. Г. Песоцкій играетъ съ неизмѣннымъ успѣхомъ. Г-жа Мартынова по прежнему оживляетъ сцену.

Хорошая артистка на роли пожилыхъ grandes dames — г-жа Бѣльская. Затѣмъ выдвигаются къ чести режиссера г-жи Чарускій и Галицкая и др. Простовъ и Невѣринъ. г. Долинъ хорошо игралъ въ «Новомъ мірѣ» и въ «Злобѣ дія». Г-жа Турчанинова со временемъ сдѣлается хорошей актрисой; пока въ ней слишкомъ много «любительскаго» элемента, и слишкомъ мало искренности и простоты. О г-жѣ Блюменталь-Тамариной я уже писалъ. Г-жа Свободина-Барышева не потеряетъ кредиты, если не будетъ играть молодыхъ героинь, вродѣ Вероники въ «Новомъ мірѣ». Г-жѣ Козминой не слѣдуетъ такъ сладко, манерно разговаривать. Бенефисы начинаются 24-го октября: г. Людвиговъ («Предѣлъ»), г. Добровольскій («Эрнани»), г-жа Юрьевъ («Вторая жена»). Оперетка гг. Ахматова и Левицкаго взяла за первый двѣ недѣли 10000 р. Оперетка г. Левицкаго отличается извѣстною стройностью хоровъ и бѣгатой обстановкой. Жаль только, что комики на рукахъ ходятъ и готовы шпаги глотать, лишь бы смѣшно да весело было.. Образумить ихъ, быть можетъ, г. Брянскій появившійся недавно въ «Али-баба». Хорошій комикъ-резонеръ г. Донской. Солисты гг. Кубанскій, Чабанъ и г-жи Смолина и Бауръ пользуются успѣхомъ. Въ оперетѣ имѣется еще, если вѣрить афишѣ, балетъ, а по нашему — просто скакуны.

A. П. Буровъ.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

пьесъ безусловно дозволенныхъ къ представлению по 1 сент.
1900 г.

- 11) Дивчына-атаманъ банды разбийныкъ. Москва 1900 года.
- 12) Добролѣтъ Веніаминъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе В. Корнеліевой (сюжетъ заимствованъ). (По печатному изданію и по отдѣльнымъ оттискамъ журнала «Театръ и Искусство». Типографія с.-петербургскаго товарищества «Трудъ». С.-Петербургъ 1900 года).
- 13) Докторъ правъ въ юбкѣ (summa cum laude) (съ нѣмецкаго) А. А. Львова. Москва 1900 года.
- 14) Долли. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ Генриха Христіерн-сона. Переводъ В. М. Саблина. (По печатному изданію и по отдѣльнымъ оттискамъ журнала «Театръ и Искусство». Типографія с.-петербургскаго товарищества «Трудъ». С.-Петербургъ 1900 года).
- 15) Дочка запорожца XVII вику. Москва 1900 года.
- 16) Духи шалятъ. Фарсъ въ трехъ дѣйствіяхъ. Переводъ Ив. Гр. Яроны. Москва 1900 года.
- 17) Дѣйствіе 2-е, явленіе 6-е. Водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе Л. Л. Печорина-Цаннеръ. Москва 1900 года.
- 18) Дѣло слутая. Комедія-шутка въ одномъ дѣйствіи Н. Ермилова. С.-Петербургъ 1901 года.
- 19) За сыродѣто Богъ въ калитѣ. Москва 1900 года.
- 20) Зеленый какаду (der grüne Kakadu). Гроотескъ (Dramolletta) въ одномъ актѣ. Сочиненіе Артура Шантцлера. Переводъ М. М. Рѣзунова. Приложеніе къ журналу «Театръ и Искусство» 1900, № 22. Типографія с.-петербургскаго товарищества «Трудъ». С.-Петербургъ 1900 года. (По печатному изданію).
- 21) Лицемѣры. Драма въ четырехъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ англійскаго Н. Мировичъ. Москва 1900 года.
- 22) Лорензаччо. Драма въ пяти дѣйствіяхъ по А. Мюссе Н. О. Арбенина. Москва 1900 года.
- 23) Менестрель. Драматическія сцены въ одномъ дѣйствіи О. Чюминой. (По печатному изданію и по отдѣльнымъ оттискамъ журнала «Театръ и Искусство». Типографія с.-петербургскаго товарищества «Трудъ». С.-Петербургъ 1900 года).
- 24) Мой идеаль. Фарсъ въ трехъ дѣйствіяхъ, съ французскаго А. С. Полонскаго. Москва 1900 года.

Редакторъ А. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Для ослабѣвшихъ, одержимыхъ кашлемъ мальцъ-экстрактъ и леденцы фабрики

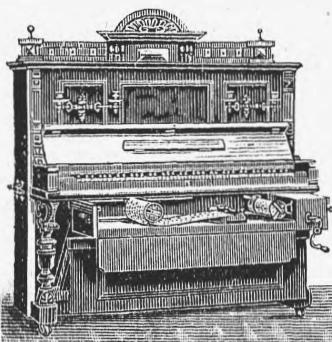
„ЛЕЛИВА“

въ Варшавѣ, ул. Згода, № 5. Существ. съ 1884 г.

Продаются въ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ.

№ 2304. 11—12.

САМОИГРАЮЩІЯ
ПІАНИНО

Можно играть, какъ на обыкновенномъ піанино, а также отлично исполнять различные пьесы и танцы или **верченіемъ ручки** (стоящія 600, 650, 750, 850 р.), или **электрической силой** (въ 850 и 1,050 руб.). Ноты по 2 р. 25 к. и дороже. Списокъ бесплатно.

Механический таперь

приставляется къ каждому роялю или піанино и при верченіи ручки исполняетъ различные пьесы и танцы. Цѣна 175 р. Ноты по 2 р. 25 к. и дороже.

Юлій Генрихъ ЦІММЕРМАНЪ

С.-Петербургъ, Б. Морская, 34, Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

№ 2311. 5—9.

25) Ненависть. Драма въ пяти дѣйствіяхъ и восьми картинахъ. Сочиненіе Викторъна Сарду. Переводъ К. П. Ларина. Москва 1899 года.

26) Образцовый мужъ. Фарсъ въ трехъ дѣйствіяхъ, съ французскаго А. С. Полонскаго. Москва 1900 года.

РЕПЕРТУАРЪ

Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ,
съ 30-го октября по 6-е ноября 1900 г.

Александринскій театръ. 30-го октября: «Накипь». 1-го: «Буреломъ». 2-го ноября: «Моцартъ и Сальери», «Гартофъ». 2-го: «Буреломъ». 3-го: Спектакль въ память столѣтней годовщины со дня рождения П. С. Мочалова: «Ненависть къ людямъ и раскаяніе», сцена изъ драмы Коцебу; «Кочарство и любовь», сцена изъ трагедіи Шиллера; «Павелъ Степановичъ Мочаловъ въ провинціи», вод. Д. Ленскаго; «Живая картина»; и «Апо-оеозъ». 5-го. Утро: Повтореніе юбилейнаго спектакля въ память артиста П. С. Мочалова. Вечеръ: «Накипь».

Михайловскій театръ. 30-го октября: «Татьяна Рѣпина». 31-го: «Les deux orphelines». 1-го ноября: «Школьные товарищи». 2-го: «Les deux orphelines». 3-го: «Au printemps», «Les mariés de Léontine». 4-го: Benefice de m-r Delorme, «Pot-bouille». 5-го: «Волки и овцы».

Мариинскій театръ. 30-го октября: «Богема». 31-го: Беневис хора. «Евгений Онѣгінъ». 1-го ноября: «Тангейзеръ». 2-го: «Евгений Онѣгінъ». 3-го: «Карменъ». 5-го. Утро: «Опричникъ». Вечеръ: «Эсмеральда».

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

РИГА. В. Для «неприкосновенности» необходимо придерживаться строго объективной формы. Просимъ быть умѣреніемъ.

ТУЛА. Майеровой. Въ журналѣ дважды было объявлено, что неправильно перенумерованы страницы. Пьеса же «Преступление и Наказаніе» послана цѣликомъ. Прочтите пьесу, и вы убѣдитесь въ этомъ.

Вышла изъ печати и поступила въ продажу новая комедія въ 4 д.

„ЗА РАМПОЙ“.

(„тяжелый путь“). В. Ч—на.

Выписывать можно отъ автора.

г. Козловъ. В. П. Чиликину.

Ц. 60 к.

Съ пе ссылкой наложеннымъ платежомъ.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

известная драма В. САРДУ.

„Флорія Тоска“.

Репертуаръ Сары Бернаръ. Переводъ Ф. Н. Латернера. Литографированное падание журнала «Театръ и Искусство».

Цѣна 2 рубля.

„БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ“.

Драматическія сцены въ 5-ти дѣйствіяхъ и 8-ми картинахъ (по роману Ф. М. Достоевскаго)

К. Дмитріева.

Цѣна 2 руб.

Издание редакціи журнала «Театръ и Искусство».

3 выпускъ словаря 1 р. 50 коп.
Высылаются наложеннымъ платежемъ,

„ТЕАТРЪ ПЕТЕРБУРГСКІЙ“

(бывшій Неметти, Офіцерскія ул., № 39).

Дирекція Е. А. Шабельской.

РЕПЕРТУАРЪ. Съ 29-го Октября по 5-е Ноября 1900 г.

Воскресеніе, 29-го Октября: **Вій**, др. сказка въ 6 карт. изъ разсказа Гоголя, перед. Шабельской.

Понедѣльникъ, 30-го: **Рабыни веселья**, ком. въ 4 д. В. Протопопова.

Вторникъ, 31-го: **Рабыни веселья**, ком. въ 4 д. В. Протопопова.

Среда, 1-го Ноября: **Вій**, др. сказка въ 6 карт. изъ разсказа Гоголя, перед. Шабельской.

Четвергъ, 2-го: **Рабыни веселья**, ком. въ 4 д. В. Протопопова.

Пятница, 3-го: **Рабыни веселья**, ком. въ 4 д. В. Протопопова.

Суббота, 4-го: **Вій**, др. сказка въ 6 карт. изъ разсказа Гоголя, перед. Шабельской.

Театръ „ФАРСЪ“

(бывш. Панаевскій у Дворцового моста).

Дирекція А. М. Горинъ-Горяйновъ и В. А. Казанскій.

Понедѣльникъ, 30-го Ноября. Бенефисъ А. Д. КАМЕНСКАГО:

1) „ШАМПИНЬОЛЬ ПОНЕВОЛЪ“, фарсъ въ 3 д.

2) „ЛЕВЪ ГУРЬИЧЪ СИНИЧКИНЪ“, комедія въ 5 дѣйств.

2315. 6—2.

КРЕМЪ АМИКОСЪ (CRÈME AMYCOS).

Новый кремъ, составленный по указаниямъ специалистовъ, придаетъ и сохраняетъ свѣжій и здоровый цветъ лица, уничтожаетъ веснушки, пятна, загарь и красоту лица.

Кремъ Амикосъ необходимъ для сохраненія на долго красоты лица.

Цѣна банки 1 р. 25 к.; въ Европейскую Россію высыпаются 2 банки за 3 р. 50 к. Получать можно во всѣхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ Россіи.

Оптовая торговля у изобрѣтателей.

Торговый домъ „Парфюмерная лабораторія И. ГОЛЛЕНДЕРЪ“ С.-Петербургъ, Разъѣзжая, № 18.

№ 3322. 30—3.

ПОЗНАТЬ САМОГО СЕБЯ

Извѣстный психо-графологъ И. Ф. Моргенштернъ прибылъ въ С.-Петербургъ и остановился до малой Итальянской ул., въ д. № 7, кв. 9.

ДѢЛАЕТЬ АНАЛИЗЫ ПО ПОЧЕРКУ.

Принимаетъ желающихъ распознать себя, свое призваніе, свои силы и опредѣлять темпераментъ, мировоззрѣніе, способности, наклонности и вообще весь нравственный строй человека. Желающие могутъ послыпать почечки по почтѣ съ приложениемъ платы. Отвѣты даются черезъ три дня. Цѣнъ отъ часа для до 6 часовъ вечера. Приглашенія же на домъ принимаются только вечеромъ по соглашенію.

№ 2288.

Остерегаться поддѣлокъ!

ДѢТСКОЕ РОМАШКОВОЕ МЫЛО

Лабораторія А. Энглундцъ.

Нейтральное мыло, не содержащее въ себѣ эфирныхъ маселъ. — Рекомендуется какъ туалетное мыло для ежедневнаго употребленія.

Цѣна 30 коп. за нусонъ, съ пересылкою 4 кусна 1 руб. 50 коп.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись: А. Энглундъ, красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно: Въ Русскомъ Обществѣ Торговли Аптекарскими товарами, Казанская, № 12.—Центральное Аптекарское Депо, Невскій № 27.—Невскій Аптекарский Магазинъ, Невскій № 49.—Г. Кошкинъ, Гостиный Дворъ № 19.

Главный складъ для всей Россіи: А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская площ. № 2.

№ 2318. 30—6.

Прилож. къ журх. „Театръ и Искусство“; 1900 г. № 44.

Мы молчали.

РОМАНСЪ.

Слова А. Федорова.

Музыка Н. М. Кнорозовского.

„МЫ МОЛЧАЛИ...“

Слова А. ФЕДОРОВА.

Муз. И. М. КЮРОЗОВСКАГО.

Sostenuto tranquillo.

p mezza voce

CANTO.

Мы мол - ча - ли,

За час - го - ви - ла

Sostenuto tranquillo.

PIANO.

dolce

Э - той но - чи про - ро - че - ской ти - шь.

dolce

pp

pp

r

cresc.

Намъ лу - на такъ по - нят - но свѣ - ти ля та - къ лю -

cresc.

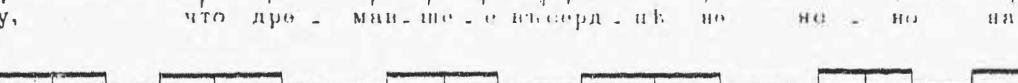
БОВ - но - шо - отль - намъ - ка - миши. Такъ ды -

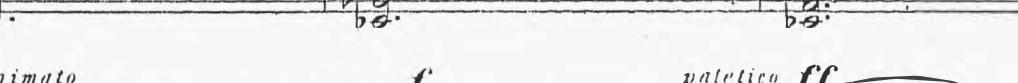
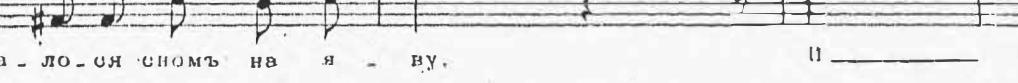

 ша - ли намъ лан - ды - ши¹ страст - но. такъ ро - са о - крон - ля - ла тра -

dim.
Sta - рый

p. dolce
садъ на обѣ рѣки   *сы - наль съѣблонь, какъ снѣгъ, намъкъ подъ*

p. dolce

f. vigoroso   *rit.*
можъ ю   *се - ре, бристыхъ пѣтвъ лѣстѣки.*

vigoroso   *f.*   *rit.*